

**НОВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ?
или почему человек отказывается от самого себя?**

БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР¹

МУХИНА ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА



Кандидат физико-математических наук, специалист по искусственному интеллекту, финансовым технологиям и Big Data, основатель инновационного образовательного центра iECARUS и частной школы ERUDITE, организатор православного фестиваля в Канаде. Торонто. Канада. Новосибирск. Россия.

PhD in AI, Big Data and AI Expert, Founder of iECARUS, President of ERUDITE school.

E-mail: iecarus.ca@gmail.com

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ

Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник.
Институт философии и права СО РАН.
Новосибирск. Россия.

Главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU/Chelovek.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru



УДК 008.2

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-183-218

¹ Разговор состоялся 1 октября 2019 г. в Новосибирске.

Реперные вопросы

1. Насколько неизбежен уход человека с исторической сцены? Правда ли, что цифровизация и виртуализация меняет человека настолько, что он исчезает? Или это страшилки про заговор мирового правительства и мировых элит, готовых посадить массы на иглу умного гаджета? Может, всё обойдется? Ведь были уже луддиты, крушившие машины. И ничего не случилось.

2. Зачем надо искать чьи-то козни, если сам человек падок на гаджет? Ему нужен комфорт и безопасность. Его привычки и повадки остались на уровне неандертальца. Он ничем не отличается от животного. Только вот некоторые его представители почему-то еще хотят мыслить, книжки писать, думать о духовном. Но духовное требует усилия. На это идут немногие. А большинству нужно «хлеба и зрелиц». Природа человека такова. А значит, это двуногое и бескрылое существо достойно ухода. Это правда?

3. Может ли Россия или некоторые её представители (умники-интеллигенты) выработать альтернативу уходу человека? Разве она с её православием (часто напускным и ритуальным, потому что истинная вера требует духовной практики преображения), с её консервативными ценностями, с её национальной псевдоэлитой, которая тоже сидит на сырьевом крючке, что-то противопоставить? Московская верхушка ведь тоже куплена. Что Россия реально противопоставила загнивающему Западу с его взбесившимися транссексуалами и разрешённой наркотой? Ничего.

4. Гаджет, умная игрушка, завлекает прежде всего молодых, детей. И чем младше – тем порочнее и необратимее его действие, поскольку у человека нет против него противоядия. Последнее вырабатывается лишь в требующих усилия культурных антропопрактиках (религиозных, философских, художественных, социальных). А какие практики есть у ребенка? Он ведь только начал жить. Если человека подсадили на цифру с детства, то у него нет противоядия. Ведь так?

5. Чиновники уже давно благополучно разваливают и науку, и образование. ЕГЭ – провокатор, который только подчеркивает, что школе личность и мышление не требуются. Там человека нет, есть функции для исправного действия школьного конвейера. Как преобразовать этого монстра, если миллионы играют в эту игру? Ведь он не преобразуем. Его легче взорвать. А что взамен?

6. Наука этой проблемой просто не занимается. Гуманитарные науки, философы, психологи, педагоги, либо отстают от тренда, либо подыгрывают ему, изучая задним числом влияние умных технологий на человека, на его сенсорику, память, восприятие, чувствительность и проч. Многие из ученых ратуют за кибернетическое бессмертие. Специалисты пытаются что-то фиксировать (как, например, влияет на способности и реакции ребенка его долгое сидение за компьютером). Но это же детский лепет. И ничего противопоставить этому гуманитарные науки не могут. Да и языка у них нет. У гуманитариев просто нет языка для описания реальных радикальных трендов и смены человеческой идентичности. Наука нема, безъязыка и безальтернативна. Так ли это?

7. Означает ли сказанное то, что нам, некоторым сумасшедшим, думающим об альтернативе, придётся в отдельно взятой тайге выстраивать некий поли-

гон для выживания и выработки альтернативы? Или свой архипелаг? Или свой остров? «Нас мало. И нас всё меньше. И самое главное – что мы врозвь».

8. Альтернатива станет актуальной тогда, когда станет выгодной. Пока выгодна цифра. Значит, опять работают только законы бизнеса? Но она, альтернатива, никогда не станет выгодной. Альтернатива не может быть конкурентоспособной по сравнению с желанием миллионов просто вкусно есть и сладко спать.

9. Настанет ли день, когда человек поймёт, что он гибнет? И только тогда спохватится? Но будет поздно? Ведь заставить мыслить невозможно. Как заставить любить. Если под задницей не горит, то пусть будет эта цифровизация и искусственный интеллект. А естественный уже и не требуется? Человек проигрывает киборгу, которого сам же и создал для комфорта и безопасности. Вот и вернулись к началу. Значит, альтернатива – утопична? И пусть человек уходит?

Смирнов С. А.: Разговор с Ириной Константиновной Мухиной на тему: неизбежен ли уход человека или поиск антропологической альтернативы. Итак, я предложил Вам эти реперные вопросы. Мы по ним можем гулять, не обязательно последовательно. Я предлагаю построить разговор в жанре диалога. Не обязательно чтобы мы друг с другом соглашались, но мне важно услышать Ваше понимание. Я своё понимание тоже готов предъявить. Но в силу того, что мы с Вами не так часто встречаемся, Вы же потом уедете, то я бы хотел Вас больше послушать. А своё отношение, разумеется, буду высказывать как в вопросах, так и в репликах.

Итак, первый, базовый вопрос. Действительно, насколько неизбежен уход человека? В своё время мне академик В. П. Казначеев, а он же медик, говорил: «Да чего ты? Это же вид, он исчезающий. Ну, какое-то количество лет, может быть, он ещё и подёргается, тысячу лет, но всё равно исчезнет. Да, он уходит». Но вопрос заключается в чём? Он почему-то хочет это уйти, этот человек. Его почему-то он устраивает, этот уход. Тогда ведь проблематизируется вся история. Если он хочет уйти, что он до этого делал? Это действительно неизбежный тренд или это какое-то странное завихрение в его траектории, чему, вообще-то, можно что-то противопоставить? Как Вы думаете?

Мухина И. К.: Я всё-таки должна сказать, что я математик. Поэтому у меня математическое знание превышает любое другое знание, а остальное – это мой опыт. Так что всё, что я буду здесь говорить, базируется исключительно на моих собственных мыслеформах. Даже можно сказать, что к философам меня отсылать бессмысленно, я многих из них не знаю, не читала.

Смирнов С. А.: Да Бог с ними.

Мухина И. К.: Но моё понимание такое, что, вообще-то, если считать, что цель всей этой эволюции и истории – это жизнь, то человек как представитель одного из живых видов на земле действительно, я верю в это, он имеет выбор, будет ли он эволюционировать и поддерживать идею жизни как смысла эволюции, либо он сам создаст альтернативу естественному интеллекту, создав искусственный.

Смирнов С. А.: И создав замену себе.

Мухина И. К.: А это уже будет соревнование. Я думаю, что человечество не раз, и мы знаем это, в историческом процессе сталкивалось с выбором. Вот

был неандерталец, был кроманьонец, был алтайский человек. И мы, на самом деле, не можем до конца понять, почему выжил именно этот вид. У нас уже были периоды жизни, когда существовало несколько конкурирующих видов ...

Смирнов С. А.: Сильнее, зубастее...

Мухина И. К.: Вот. Так сейчас у нас будет тоже соревнование с той сущностью, которую мы породили, называя это научно-техническим прогрессом.

Смирнов С. А.: И зачем это человеку надо? Он создаёт себе конкурента, который его же и победит?

Мухина И. К.: Да. Это вот тот дракон, который пожирает нас. А почему это нам надо? А потому что человек, грубо говоря, – ленивая скотина. Поэтому мы создали этот технический прогресс для того, чтобы нам стало легче жить. И вот как раз этот научно-технический прогресс я прочувствовала прямо на себе, живя в этом западном обществе, в результате чего происходит расслабление человеческой натуры, потеря им основного стержня – воли к жизни. Когда теряется сила воли, тогда человека фактически ведут на заклание. И массы туда идут, потому что им там показали морковку, грубо говоря. Ведь отсутствие воли жить – это отсутствие способности действовать в том случае даже, когда ты ощущаешь угрозу. Потому что тебя поместили в зону постоянного комфорта. Чтобы ощутить необходимость действия, надо заставить себя выйти за зону комфорта. А эта зона комфорта становится практически уже бесконечной.

А второе, это то, что мы утеряли, тоже в силу развития научно-технического прогресса, – это интуицию. Скажем честно, мы живём в христианской цивилизации, хотя бы потому, что это 2019 год от Рождества Христова, даже не рассуждая о каких-то более глубоких вещах, и мне верится, что нашей сущностью является именно крест. То есть у нас есть горизонтальная составляющая и есть вертикальная. И вот эта вертикальная составляющая, как угодно её можно называть, но она в нас присутствует такими понятиями, очень известными в русской цивилизации, как совесть, стыд, справедливость, в том числе, мы можем чувствовать Божий промысел через интуицию. И я вижу, что это не до конца в нас убито.

Смирнов С. А.: Так Вы же сами говорите, что человек – скотина. Ему этот крест разве нужен? Он отказывается от вертикали, ему не нужна она. Он хочет лечь в горизонтали, он ведь скотина.

Мухина И. К.: Правильно. Вот это сейчас две составляющих, которые навязывает нам техноцивилизация. Навязывает она это культурой, если мы отойдём назад и вспомним, что сначала доминировала высокая классическая культура, которая была богоцентрична. Потом нам её заменили на модерн. В центре модерна поставили человека, это даже у Достоевского написано: «Если Бога нет, то я – Бог». Затем пришёл постмодерн, где в центре уже стоит автор, который любую ахинею может написать и выдать это за свое авторское видение мира, и никто ему не указ. А в технокультуре, естественно, в центре стоит уже машина, и человеку дали почувствовать своё ничтожество по сравнению с железом, это в мире и продвигает трансгуманизм, главная идея которого – человека надо улучшить до соответствия роботу, без чувств, без слабостей, без эмоций. Это и есть человек оцифрованный.

Смирнов С. А.: То есть всё дозволено.

Мухина И. К.: Да – полная свобода, всё дозволено. Когда поставили в центр мироздания человека, это был модерн, и сразу к этому на западе приплели

З. Фрейда, который всё про человека разложил по полочками и его суть свёл к Эдипову комплексу. Раз, и от божественной природы человека опустили ниже пояса. Все низкие вибрации в человеке сразу стали выпячиваться и подчеркиваться, хотя было много исследований проведено на тему, что у Фрейда пациентами были богатые бездельники, которые маялись от неприкаянности и скучки.

Смирнов С. А.: Ну, у него всё-таки Super Ego еще было, какой-то вариант контроля.

Мухина И. К.: Но, тем не менее, он уже духовные вещи отрицал и всю свою психологию посвятил комплексу Эдипа. За ним пошел К.-Г. Юнг, его ученик, который не согласился со своим учителем, и сказал, что всё-таки есть коллективное бессознательное, которое, в принципе, сейчас называется когнитивным. Но это некое поле тонких энергий, наших, я не знаю, эмоций, верований, надежд, излучений. То есть это нечто такое, что всё-таки создаёт нечто вокруг нас.

Смирнов С. А.: Но это опять заменяет нам волю. Оно, коллективное бессознательное, нас же опять тащит. Правильно? Это всякие заменители.

Мухина И. К.: Да. Но это зависит от того, что в центре этого. Понимаете? Нас могут тащить вверх, и тогда мы туда начнём двигаться, отчасти это было реализовано в СССР. Мне нравится фраза академика Д. С. Лихачева: «Культуру надо насаждать силой».

Смирнов С. А.: Ну, культура вообще связана с личным усилием. Так ведь? Это же требует усилия.

Мухина И. К.: Это воля. Да. Вот эта вертикаль и наша воля, которую у нас расслабляют, и вертикаль, которую у нас обрубают и превращают в горизонталь, что я называю оскотиниванием. Этот процесс производится целенаправленно, с абсолютно понятной задачей, навязывается цифровыми технологиями, ранее не существовавшими.

Смирнов С. А.: Чтобы манипулировать? Массой легче манипулировать.

Мухина И. К.: Конечно. Управлять, вести её туда, где больше прибыли капиталу. Всё. Там же всё очень просто. Я говорю, у того, что сейчас происходит и называется цифровой экономикой, есть четыре составляющих. Цель понятная – это максимизация прибыли путём сокращения издержек. А какая самая главная издержка в мире бизнеса? Каждый человек, который имел собственный бизнес, знает, – это нанятый человек. Потому что он болеет, он опаздывает, он халвит, он ещё, не дай Бог, родит кого-нибудь и декретные потребуются выплачивать и так далее. А для того, чтобы сократить издержки на наёмный труд, в экономическом мире решается задача по утилизации человека. Но утилизировать все 7 миллиардов – это достаточно сложно. Поэтому всеми возможными технологическими средствами её пытаются решить. Итак, первая цель – увеличение прибыли. Ничего личного, только бизнес.

Вторая составляющая цифровой экономики – это масштаб в виде глобализации – абсолютно объективного процесса. Сейчас мы достигли того уровня существования нашей цивилизации, что мы все стали связаны. Вопрос: как, чем и зачем? Итак, масштаб этой прибыли – вся планета.

Третья составляющая – это цифровизация, как новый инструментарий извлечения прибыли, который позволяет это делать по-новому, эксплуатировать более эффективно, добиваться сокращения издержек и масштабирования. Поработав в большом бизнесе, я просто знаю, что именно такое управ-

ление заложено у них во все МВА-программы, которые у нас, по-моему, только ленивый не проходил. По-этому всё это управление прибылью и сокращение издержек, в том числе расходов на человека, – это стало основополагающими понятиями.

И четвертое, что за всем этим стоит (не по оглашению, но по умолчанию) – идея, которая всё это поддерживает, – каким должен быть человек? То есть, идеология. Коммунистическую идеологию нам каждый утюг рассказывал (или социалистическую идеологию). А тут это всё по умолчанию. Это называется трансгуманизм, его декларация опубликована в 2002 году.

Смирнов С. А.: Да, трансгуманизм, проповедующий кибернетическое бессмертие.

Мухина И. К.: Это идеология неолиберализма. Вот эти четыре составляющие: цель, масштаб, средства и идея, они мне, после 25 лет, что я там живу, чётко видны. Видимо, я та лягушка, которую бросили в кипяток. Если бы меня медленно на огне грели, я бы, наверное, сварилась. А, приехав из Академгородка, грубо говоря, я считаю, я из советской интеллектуальной элиты, и у меня семья академическая, наша дочка защитила кандидатскую по искусственному интеллекту, только в Сорбонне, она – шестое поколение нашей семьи. Мы все со степенями научными. Ректор – мой пapa, ректор – дедушка, ректор – прадедушка, мамин дедушка. У меня заняло 20 лет на Западе, чтобы попасть там на работу в финансовую элиту. Ну, не то что я к этому стремилась, но так произошло, у меня там дети рождались, внуки, я, так сказать, карьеру строила там, путешествовала, себя познавала. И, очевидно совершенно, у меня возник диссонанс между тем, в чём я себя ощущала себе, полагала, что в этом есть смысл (я ощущала, что есть смысл в моей деятельности), и тем, что я была вынуждена там делать, даже невзирая на то, что за это я получала очень большую зарплату. Но это не компенсировало мне того, что я постоянно не понимала: Боже мой, ну, это же вообще бессмысленно, что мы делаем, это вредно. И вот этот момент меня наводит на размышление, что внутри нас сидит вот эта вертикаль. У каждого она разная, у кого-то искривленная, погнутая, наклонная, но она есть. И наш уход от себя или к себе, возвращаясь к Вашему вопросу, в наших руках. То есть, стоит задача – вернуть себя себе.

Смирнов С. А.: Вот смотрите, а теперь возникает такая ситуация: Вы затронули аспект стремления мировых элит к оскотиниванию человека, чтобы манипулировать массами, удобнее делать бизнес. Это всё понятно. Ну, это известная сознательная политика мировых элит. А вопрос-то заключается в том, а что выбирает сам человек? Не глубже ли закопана проблема? Человек ведь сам соглашается на то, что его оскотинивают. Ну, смотрите, началось всё с безобидных вещей – с палки обезьяны. Она с помощью палки достает банан. Она тем самым усиливает, вооружает свою лапу. Дальше – больше: палка-копалка, все орудия труда направлены на то, чтобы усилить бренноеальное смертное человеческое тело.

Мухина И. К.: Да.

Смирнов С. А.: Вот наши с вами очки: глаз не видит – надел очки, усилил, увидел. Это феномен той самой органопроекции. Когда я проецирую своё тело, усиливаю руки, ноги, тело, глаза, уши, создаю дальше уже умную машину, умное оружие, дальше – беспилотники и дальше, и дальше. Просто, смотрите,

технический прогресс изначально был направлен на то, чтобы усилить этого смертного, бренного, двуногого и бескрылого.

Мухина И. К.: Правильно.

Смирнов С. А.: И человека это устраивало. Он так весь технический прогресс и строил.

Мухина И. К.: Правильно. Но Вы же говорите слово «усилил». А сейчас мы пришли в результате к тому, что...

Смирнов С. А.: А теперь он почему-то перестал себя усиливать. Хотя понятие «enhancement» в трансгуманизме как раз и используется. Это улучшение, усиление человека за счёт умных технологий и орудий. Но улучшение ведёт к тому, что можно его и радикально изменить.

Мухина И. К.: Правильно. Тоже улучшить.

Смирнов С. А.: Улучшить.

Мухина И. К.: Но мне кажется, момент заключается в том, чтобы изначально улучшение человека орудиями труда и прочими другими средствами было необходимо для выживания рода. То есть, для сохранения, но мы оказались такими талантливыми в отличие от обезьян, например, что в процессе нашего развития оказалось, у нас есть две дополнительные функции, которые не свойственны другим животным. Это то, что мы можем передавать наши знания, полученные в процессе освоения во времени, мы можем передавать знания другим поколениям. И второе – можем передавать знания в пространстве. Мы можем эволюционировать на знаниях и в этом пока нет никакого для меня кrimинала. Потому что, если человек живёт дольше, при этом становится мудрее и живёт в гармонии с природой, то слава Богу. Но я считаю, что эта революция, которую называют цифровой революцией, на самом деле её не правильно называют. Потому что эта революция, с моей точки зрения, должна называться «когнитивно-коммуникативная».

Смирнов С. А.: А цифра – только средство.

Мухина И. К.: Да. Она очень сильно направлена на изменение именно наших когнитивных процессов и наших коммуникаций в социуме. Именно в этом месте человек мог бы быть способен (тут человек имеет много контекстов), изменить экономическую цель, о которой я сказала, если бы неолиберализм не захватил весь шарик. Когда существовали две экономические системы, пусть они были даже не идеальные (идеального вообще ничего нет), то был некий баланс. Когда в 1991 году разрушили железный занавес и берлинскую стену, началось тотальное вирусное распространение идеологии бизнеса, целеуполагания только через прибыль. В центре экономической деятельности любого человеческого коллектива стало увеличение прибыли любой ценой. Это ведёт, естественно, к сокращению издержек. Здесь нет даже никакой теории заговора.

Смирнов С. А.: А как же все разговоры про благополучие, потребности потребителя? Прибыль строится на том, чтобы потребителя удовлетворить. Вроде, на первом месте стоит благо?

Мухина И. К.: За счет чего? Вы же видите, этим процессом мы разрушили всю планету.

Смирнов С. А.: Да, за счет чего. Так.

Мухина И. К.: То есть очень высокая цена, которую платят за потребительство. И является ли потребительство благом? Ведь если возвращаться

к понятию воли, то аскетизм и преодоление трудностей, это именно то, что делает человека зрелым, мужественным, сильным и нравственным. Ведь говорят: Бедный не тот, у кого мало, а тот кому мало.

Смирнов С. А.: На аскезе. На личностном усилии, конечно.

Мухина И. К.: На преодолении давления внешней среды, да. То есть мы охотились за мамонтами, мы бегали за этими животными, мы жили в пещерах – это были трудности, и мы решили от них избавиться, встав на путь научно-технического прогресса. Даже в советское время мы прилагали гораздо больше усилий в жизни. Я вот умела шить, вязать, вышивать, готовить – что угодно. Когда я приехала на Запад и начала зарабатывать хорошие деньги, у меня было достаточно мозгов, чтобы зарабатывать эти деньги, но я практически разучилась делать всё остальное.

Смирнов С. А.: И перестали вышивать крестиком.

Мухина И. К.: Конечно. Потому, что в этом отпала всякая необходимость, и любой китаец производит товары разнообразные и дешевые. И пошла моя деградация, – как маленький пример общей деградации всего человечества результате разделения труда и товарно-денежных отношений, отчуждающего результаты труда, которые могут быть проданы за копейки. И зачем тогда уметь всё делать самому? Чтобы вписаться, мы становимся «человеком одной кнопки». Мы прошли точку перегиба. Причём мы её очень быстро прошли. Многие и не заметили этого и по-прежнему кормят друг друга «вкусняшками» потребления или рассказывают о том, что технологические игрушки – это здорово. Это те, которые ещё не наелись или те, кого оболвили окончательно. А научиться на примере соседей в соседних странах мы не хотим. Я Вам расскажу, какие безобразия трансгуманизма творятся там, где я живу. Но чтобы научиться – должен присутствовать элемент мудрости в народе. А для этого должны сохраниться, с моей точки зрения, связи между поколениями. А гаджеты эти связи разрушают, разрушают прежде всего именно близкие человеческие связи, семейные, и подменяют их виртуальными.

И вот этот социум, который исторически выработал свои социокультурные, скажем так, поведенческие, не знаю, назову словом «повадки», не люблю я все эти англизмы, паттерны, сейчас очень быстро их теряет, они вымываются и заменяются навязываемыми интернетом стандартными действиями. Тем самым теряется культурное разнообразие и происходит глобальная унификация.

Я лет пять назад это четко почувствовала и написала документ, программу, затем опубликовала его на своем LiveJournal: как превратить экономику потребительства в экономику созидания. Я увидела и прочувствовала именно эти западные смыслы, которые зашли в Россию в 1990-е годы, а сейчас они уже распространяются лавинообразно и везде. И человек уже просто оказался погружён в морок. Всех накрыл морок мещанства, в котором первым делом пострадали, естественно, молодые, которые не опытны и их силой отрывают от старших, имеющих опыт.

Смирнов С. А.: Да, тренд молодеет. И чем дальше, тем больше.

Мухина И. К.: Но очень часто и взрослое поколение говорит, что, мол, мы этого не попробовали, пусть они поживут. Я считаю, что ответственность всё равно лежит на взрослых. Я увидела три скрепы общества, которые с 90-х годов этим мороком трансгуманизма активно разрушаются прямо на глазах.

Во-первых, это русский язык. Количество английской музыки, английских текстов, латиницы, англицизмов зашкаливает в России. Вот по радио сегодня поздравляют тех, у кого день рождения сегодня, были названы два-три наших актера, а все остальные – английские, американские. Какое нам дело до них? Поздравьте тогда китайскую актрису. Я не думаю, что это случайность. Я уверена, что здесь абсолютно тотальный антирусский контроль масс-медиа.

На конференции в Москве, где я выступала на прошлой неделе, я сказала, что это первый риск цифровизации, который я вижу, я его назвала: создание коридоров информационного комфорта. Потому что людям сейчас можно выбрать себе инфо- коридор, или вот этот бабл, пузырь, в котором каждый живёт. Абсолютно теряется возможность диалога, люди не слышат друг друга, каждый читает своё. И когда я выступаю со своими мыслями, мне говорят: «Путинской пропаганды наслушалась, милая?» А я говорю: «Господи, у меня и телевизора-то нет лет 20 в доме».

Смирнов С. А.: Это в Канаде вам говорят?

Мухина И. К.: И здесь тоже.

Смирнов С. А.: И здесь тоже?

Мухина И. К.: Конечно. Просто то, что я говорю, наверное, очень частоозвучно тому, что говорит какой-то государственный канал. Наверное. Но я говорю только о том, что наблюдаю, когда большой-большой капитал «безгранично» ходит по земному шарику. Как он приходит, уходит, откуда он сливки снимает, где он хаос порождает и как он разрушает целые страны. Итак, первое – это русский язык. Вторая скрепа – это именно поколенческие связи, которыми всегда была сильна Россия, потому что мы выживали благодаря тому, что мы умели жить вместе. И даже за ХХ век, несмотря на столько бед, войн и разрушений, каждый раз народ возрождался как феникс. Причём возродился после войны 1941-45-го, когда страна была полностью разрушены, но мы первые полетели в космос. Это 1957-й. За это время восстановлено было вообще всё – от руин и до полёта в космос. Это кто сделал? Это люди сделали. Это они в комфорте сделали? Нет, это они в шарашках сделали.

Смирнов С. А.: Да, в шарашках.

Мухина И. К.: Но они при этом развивали свой интеллект и наращивали серое вещество и сделали такой прорыв во имя того, чтобы страна поднялась и было у всех будущее. Это вторая скрепа, связь поколений и уважение к старшим, к предыдущему опыту и истории. И третье – это, конечно, образование. Образование – детородный орган общества, как говорит мой мудрый папа, по нему ударили первому. Поэтому все эти ЕГЭ...

Смирнов С. А.: Это ужас. Он гробит школу.

Мухина И. К.: Он уже её угробил.

Смирнов С. А.: Да, да, да. В школе учить перестали.

Мухина И. К.: Абсолютно. И, плюс к этому – погрузили, всех погрузили в эти пузыри масс-медиа, которые всё фальсифицируют, все эти суррогаты, големы, симулякры – всё что угодно, но это не имеет отношения к правде. Или даже к фактам. И главное – им внушили, молодым, которые только google спрашивают, внушили то, что они-то сами всё лучше знают, так как умеют кнопки быстрее нажимать. Вот эта Грета с этой молодятиной, которая вывела миллионы на улицу.

Смирнов С. А.: Так это же проект специальный запустили.

Мухина И. К.: Я понимаю. Но за ней же пошли люди.

Смирнов С. А.: Да. Это очень соблазнительно. Молодежь не хочет учиться, идёт на манифестации.

Мухина И. К.: Разрушение и хаос. А главное – каким героям верит молодежь?

Смирнов С. А.: Да, это псевдогерои, подмена.

Мухина И. К.: Это именно подмена понятий. Вот Зоя Космодемьянская у нас сейчас часто звучит плохо.

Смирнов С. А.: Уже не герой.

Мухина И. К.: Да. Свою жизнь отдала. В русском культурно-социальном пространстве, особенно в советское время, была героика труда, военного подвига, научных прорывов. На чём Академгородок построили? Я вчера была в Институте математики, там на стене 8 досок, посвящённых академикам и нобелевский лауреат. Они думали о своём комфорте? Давление внешней среды создаёт необходимость человеку развиваться и превозмогать себя. Но мы прошли эту точку перегиба, расслабились и теперь нам не надо превозмогать себя.

Смирнов С. А.: Не надо.

Мухина И. К.: Лежи на диване.

Смирнов С. А.: Так. А поэтому, смотрите, в чём тогда состоит основа для альтернативы, для ответа этому расслаблению? Должно грохнуться всё к чертовой матери, чтобы под задницей загорело. Только тогда это двуногое существо начнёт дергаться и усилие предпринимать. Вы же сказали про войну и первый спутник. В усилии и рождали ответ на вызов. Сейчас вызов другой – соблазн и комфорт.

Мухина И. К.: Да.

Смирнов С. А.: Если это будет продолжаться, то человек, он так устроен, не будет ничего делать. Поскольку альтернатива не может быть выработана в зоне комфорта.

Мухина И. К.: Ну, вот я думаю, что у меня же получилось.

Смирнов С. А.: А Вы здесь родились и выросли, и получили то советское образование.

Мухина И. К.: Да.

Смирнов С. А.: И я здесь родился. Но мы-то с Вами в меньшинстве.

Мухина И. К.: Нельзя сказать, что там нет совсем людей, которые...

Смирнов С. А.: Тогда надо понять, как должна быть устроена институционально эта альтернатива, на чём должна строиться её опора. Потому что просто нам с Вами сотрясать воздух не интересно. Значит, нужны какие-то полигоны, на которых бы строилась эта альтернатива.

Мухина И. К.: Ну, вот Вы сказали – нужна основа. Во-первых, надо закончить эту мысль: там, на Западе, тоже встречаются люди, их мало, и у них нет такого общего понимания истории, но они есть. Значит, это может формироваться и в семьях. Я там встречаю людей, у которых в семьях все-таки сохранилась нравственность. Поэтому, мне кажется, что вертикаль нашего креста, о котором мы говорим, она может формироваться и внесистемно. Потому что, когда Вы говорите про институциональные вещи, мне кажется, что мир в этом месте поменялся.

Смирнов С. А.: Ага. Именно институты другие.

Мухина И. К.: Мир переходит в сети. Но сетевая структура, тем не менее, должна иметь центр, и это уже называется сетецентрическая модель. И вот эти сетевые вещи, мне думается, на уровне индивидов, должны помочь очиститься, развиться и преобразиться, однако при этом защита в лице сильного государства всё же должна быть.

Возвращаюсь к вопросу о неолиберализме в глобальных масштабах. Я работала на этого монстра и очень много в связи с этим узнала, например, я анализировала будущее страны, которой нет на карте. Она называлась Чаймерика. Восемь лет мы моделировали сценарии развития мировой экономики в зависимости от развития страны Чаймерики. Тогда я руководила оптимизацией вложения портфелей из миллиардов долларов в ценные бумаги всего мира. Все институциональные портфели пенсионных фондов должны свои фонды диверсифицировать, вкладывая их в различные активы.

Смирнов С. А.: Извините, а что значит Чаймерика?

Мухина И. К.: Чаймерика – это Chine (Чайна, Китай) и Америка. Эти две страны объединили, потому что деньги шли оттуда, а дешевые рабочие ресурсы шли отсюда. И восемь лет мы обсчитывали возможность того, что средний класс Китая будет расти, производя дешевые товары для всего мира и через его кредитование будет расти мировое потребление. Ведь в чём суть экономики неолиберализма? Это просто лишь кредитование экономики личного потребления. Понимаете, чем больше мы потребляем, тем больше прибыли для банковского капитала, который стал транснациональным и не имеет привязки к развитию национальных экономик. При этом лишь немногие поняли, что чем больше мы потребляем, тем больше мы разрушаем экологию и она уже не успевает восстанавливаться. Своим детям нам нечего будет передать, но мы продолжаем жить одним днем.

Смирнов С. А.: Да. Экономика одного дня.

Мухина И. К.: Мы видим, что качество производимой продукции сейчас такое, что покупать современные вещи не хочется – верните меня в 60-е. Понятно, что такая экономика – это порочный круг, по определению, но у них нет альтернативы. Вопрос экономической альтернативы в мировой системе сейчас стоит как никогда остро. Потому, что недавнее понижение ставки федеральной резервной системы США, которую Д. Трамп продавил уже второй раз подряд, говорит о том, что в Америке уже вот-вот станет отрицательной ставка финансирования, так же, как в Европе. Это же оксюморон с точки зрения экономики капитала – если ты вкладываешь капитал в банк и за это должен ещё и приплачивать банку.

Смирнов С. А.: Да. А ставка отрицательная.

Мухина И. К.: Это значит, ты ещё и доплачиваешь. Это нонсенс. Суть современного момента в том, что глобализация, построенная на идеи прибыли и помноженная на инструментарий цифровизации, стремительно уничтожает мир, а значит она себя изжила. Но альтернативы никто предложить не может, и все бенефициары момента, как всегда держатся за статус-кво. Потому что в XX веке, как мы помним, были начаты две мировые войны для того, чтобы перезапустить капиталистическую экономику посредством разрушения целых стран и массовой гибели людей.

Я сейчас преподаю в НГУ на экономическом факультете, на трёх потоках (курс «Искусственный интеллект и обработка больших данных»). Сама я

не экономист, я чистый математик, защищала диплом на кафедре теории групп, у Юрия Леонидовича Ершова². Всё мое экономическое, финансовое, страховое и все прочее знание взято только из моей практики на Западе, где я просчитывала руками разные модели и видела, как многие экономические теории, которым учат, на практике не работают. Поэтому я ничему на Западе и не научилась, сказав сразу, что нет, пожалуйста, ваше образование с нашим даже близко не стояло.

Сейчас я спрашиваю студентов-экономистов, чему их учат, и слышу, что пагубные идеи «экономикс» проникли к нам в образование, вытеснив гораздо более здоровые идеи экономической кибернетики. А ведь идеи либертарианства выродились уже давно и решения для выхода из кризисов у них только военные, у них нет других механизмов. А у нас есть.

Смирнов С. А.: Кроме новой войны.

Мухина И. К.: Да. Ну, сейчас оружие уже такое, что погибнут все и это их отчасти останавливает. Если с цифровыми технологиями многие ещё не догоняют, что от раннего и длительного их использования с мозгами и памятью всё будет у людей совсем плохо, то относительно оружия, я думаю, элита это уже поняла. И большой войны все хотят избежать, при этом всегда есть вероятность войны по ошибке.

Возвращаясь к моему примеру новой страны Чаймерика и традиционного Китая. Мы увидели, что костью в горле глобализации по американским лекалам встало пятивековая культура Китая, которую они сохранили с древности, под управлением Коммунистической партией Китая. В отличие от нашей мощной славянской культуры и управления страной КПСС, и лагеря стран СЭВ, все наши эти достижения народа были разрушены иноземными веяниями и про дажной элитой.

Смирнов С. А.: Да.

Мухина И. К.: Уже древний Египет почил в бозе. Уже Древнюю Грецию мы похоронили. Византии тоже уже нет. Хотя нам и рассказывают, что мы – Третий Рим. Ну, это тоже: кто верит, кто – нет. Но Китай, он пока единственный, кто отказался лечь под поезд глобализации через процесс полной ассимиляции всех культур под одно лекало – трансгуманизма и постмодерна, что является отрицанием всех видов этик, эстетик и религий. Китай почувствовал экзистенциальную угрозу и спрыгнул

Смирнов С. А.: Но у него-то модель такая же, у Китая – государственный капитализм?

Мухина И. К.: Главное – что он вышел из глобализации технологически и создал свои суверенные технологии. Это был первый фундаментальный шаг в сторону, который он сделал примерно 5 лет назад. Поэтому все, что мы видим в информационном пространстве по поводу торговых войн между США и Китаем, – это просто Китай наказывают за то, что он отпочковался от Чаймерики и им очень недовольны. Так же, как и Россией недовольны за непослушание, и санкции – тому доказательство. Теперь накладывают дополнительные сборы и на европейские товары, мир вступил в противоположную от экспансии рынков стадию, в защиту своих рынков от конкурентов, хотя многие «раз-

² Ершов Юрий Леонидович (род. в 1940 г.) – отечественный математик, академик РАН, создатель и лидер сибирской школы алгебры и логики.

витые» страны всегда имели элементы защиты своих рынков в виде акцизных сборов, ограничений на хождение капитала и т. д. Это только периферийным странам навязываются правила «свободного» рынка, а монополия всегда жила, защищая интересы ТНК.

Смирнов С. А.: Выход Китая – это реакция.

Мухина И. К.: Да. Так вот, если Россия не сделает то же самое, что сделал Китай, то тогда остаётся единственный вариант. Это наша территория, самая большая в мире, население не монолитно и её хотят разобрать на «сувенирные» государства, с которыми «торговаться» будет гораздо легче, чем с одной, сильной и независимой державой, либо могут посеять в нашей стране хаос. Как легко это можно сделать, мы видим на примере Украины. Вчера или завчера я ездила по Искитимскому району Новосибирской области. Видя эти наши просторы, и всё это в абсолютно загнанном состоянии, у меня сердце кровью обливалось.

Смирнов С. А.: В Канаде разве тоже просторов нет? Она же малонаселенная?

Мухина И. К.: Да, там есть. Но разница в том, что она вся вылизанная. Там все дороги, все городки, всё вылизано. А здесь ты видишь этот драгоценный и ненужный ресурс, этот уникальный, экологически чистый потенциал земли, лесов, воды и при этом уехавшие люди, развалившиеся хаты, вымершие деревни кричат о том, что государство и люди не используют самый важный актив для жизни, которого не хватает во всех странах, кроме России и Канады. Эти две страны в мире, которые могут прокормить свой народ и развивать свои экономики, не паразитируя на других странах. А вот русские не используют свою территорию для того, чтобы извлекать из неё пользу и при этом жить здоровой, натуральной жизнью для продолжения рода на своей земле и тем самым изменить жизнь всего государства, а может и мира.

Смирнов С. А.: Но люди рассуждают по-другому – поехали все в зону комфорта. Она там готовая, и поехали туда, вместо того, чтобы здесь создавать свою альтернативную версию.

Мухина И. К.: Да. Вот здесь мы и возвращаемся к идее сильного государства, необходимого для развития наших огромных территорий в экстремальных климатических условиях. Это вам не Монако и не Сингапур и даже не Норвегия – у нас в России всё уникально и поэтому мы сами должны выстраивать свою экономику. Мы сказали выше, что Китай отстроился и первым принял на себя удар глобалистов. Россия тоже должна быстро двигаться к своему технологическому и финансовому суверенитету. Китай проявил и заявил своё сильное государство, ещё и под руководством КПК. И эта ситуация, с моей точки зрения, для России абсолютно безальтернативна. Но много тех, кто подыгрывает «Сбербанку», который строит свои цифровые технологии и собирает биометрические данные на наших деток. Это говорит мне о том, что Россия – пока колония. Метрополия отдаёт приказ, и колония берёт под козырек, и мы выполняем абсолютно всё – в Госдуме продвигают ювенальные законы, ЦБ держит высокие ставки, якобы, для борьбы с инфляцией, но на деле – для борьбы с развитием собственной экономики. Ничего в национальных интересах в нашей стране делаться не будет, пока у нас нет суверенитета данных. Потому что в XX веке деньги уже стали вторичным активом, после больших данных.

Многие жители России (почти все) не понимают, почему «Сбербанк» не должен быть в центре технологий, а там должны быть культурно-социаль-

ные организации, имеющие цели иные, более высокие, чем прибыль. Вот, например, Академ-городок, как социокультурный и научно-производственный комплекс, очень многомерный. Здесь могут развивать разные виды жизнедеятельности и могут насыщать смыслами, которые будут понятны не только тем, которым с глобалистами-финансистами по дороге. Но суть-то в чем? Мне говорят: «Ну, не долго Грефу праздновать осталось. Мы уже у него скоро не будем брать кредиты». Люди не понимают, что кредиты остались в XX веке. Сейчас «Сбербанк» не за кредитами охотится, гораздо дороже – за личными данными каждого из нас.

Смирнов С. А.: Big Data и так далее.

Мухина И. К.: А главное (что люди тоже не понимают), что белого населения на земном шарике осталось очень мало. За XX век белое население упало в 3 раза. Это процесс целенаправленного геноцида белых во всем мире.

Смирнов С. А.: Ну, белые и рожать отказываются – заводят собачек и кошек.

Мухина И. К.: Опять комфорт.

Смирнов С. А.: Комфорт, да.

Мухина И. К.: Нашу территорию с трендами вырождающегося Запада конкретно не спасти. Причём, вопрос уже совершенно решён извне, плюс – тенденции рождения в русской семье, когда в среднем 1,6 ребенка, при необходимых для поддержания уровня населения 2.15.

Смирнов С. А.: Так, получается, по Вашей логике, опять нужна суверенная технология и сильное государство. И вся альтернатива?

Мухина И. К. И традиционная многодетная семья! Всё важное для России может происходить только через суверенитет технологический, т. е. закрытие от того монстра неолиберализма, который сейчас в предсмертных судорогах рассыпает смертельные информационные вирусы. Ему срочно требуется развалить Россию, чтобы протянуть ещё на наших ресурсах, точно так же, как когда-то надо было развалить Советский Союз. Вся социалистическая собственность, наработанная нашим народом, была перекачана в рынки Америки и там первый раз случился при Клинтоне профицит госбюджета. Они просто на наших ресурсах протянули еще фактически 20-25 лет. Сейчас им нужно ещё протянуть лет 5-10, пока они не зачирирут всех, до которых смогут дотянуться, и устроят всем точку сингулярности. И тогда это уже будет полностью финансово-технологический концлагерь. Сейчас у них проблема в том, что полностью закончился ресурс для поддержания уровня прибыли. Поэтому хаос, который они порождают по всему земному шарику, это и есть теория управляемого хаоса – я не знаю, насколько он управляемый, но то, что происходит на Ближнем Востоке, на Украине, в Африканских странах – это связано с цифровыми технологиями, и называется цветными революциями, сметающими национальных лидеров и ставящих на их место марионеток транснационального капитала.

Поэтому, если возвращаться к стратегическому развитию России, то это, прежде всего, суверенитет технологий и данных, чтобы от нас не увозили ни мозги, ни деток, ни наши национальные ресурсы. Это не значит, что надоставить железный занавес. Конечно, люди должны поехать и поработать там, где хотят. Например, Силиконовая долина. Думаю, что если кто-то из молодых будет устраивать, так сказать, хаотические движения, то им можно дать выбор: «Хотите поехать в Силиконовую долину в Калифорнию? Там уже давно ком-

мунальные квартиры. Там такое дорогое жилье, что вам там никогда ничего не снять. Вы будете делить конуру с одним китайцем, с одним индусом. Соревноваться вы тоже с ними будете на работе. Поэтому, если вы считаете, что вам там будет хорошо – пожалуйста». Или альтернативно: Колыма, где можно разрабатывать и находить очень много полезного для души, тела и интеллекта. Это просто две стороны одной медали и каждый из молодых должен иметь возможность выбрать меньшее зло для него лично.

Смирнов С. А.: Так, всё это замечательно. Но фактически мы с Вами говорим опять о мировых трендах, мировых элитах и государствах. Но альтернатива ведь начинается с личного усилия.

Мухина И. К.: Конечно.

Смирнов С. А.: В одной семье два ребенка, и они могут вырасти разными: один – засранец, другой – замечательный, умница, математик и так далее. Вопрос-то в том, что даже создав одну среду, траектории будут выстраиваться разные.

Мухина И. К.: Конечно.

Смирнов С. А.: Тогда опять вопрос. Я-то философ и педагог, я не экономист и не политолог. Да, к сожалению, конечно, все эти тренды и мировые элиты соблазняют и гробят человека, но всё равно рано или поздно возникает личная ситуация конкретного человека, его самоопределение и его решимость выстраивать и держать эту духовную вертикаль. Один решается, а другой не решается идти. Хотя среда может быть одна и та же. Что делать?

Мухина И. К.: Конечно. Я совершенно с Вами согласна. Первую вещь, которую я сказала, что мы должны стать суверенными, иначе, как говорят: снявши голову, по волосам не плачут. Тогда тут обсуждать будет совершенно нечего. Потому что этот трансгуманизм, улучшение человека, утилизация человека, сюда придёт и приватизированное транснациональным капиталом государство лишит родителей права распоряжаться собственными детьми. Здесь это уже во всю происходит. Например, продавливают якобы нужный закон о профилактике домашнего насилия. Это начало лишения родителей родительских прав и затем по плану будет то, что произошло у нас в Канаде. Я перечислю пять государственных законов, которые были приняты в провинции Онтарио, в которой я живу, начиная с 2016 года. Была разрешена эвтаназия, для детей в том числе и без разрешения родителей. А эвтаназия – это что? Это утилизация человека. Ты имеешь право написать заявление, что жить больше не хочу. И это явно уже имеет распространение в Европе.

Смирнов С. А.: А это грех. Или теперь это уже не грех?

Мухина И. К.: Да. И главное – врачи даже не смогли это противостоять. Я помню, когда этот закон обсуждался в парламенте, они выступали и говорили: мы клятву Гиппократа давали, мы должны защищать здоровье, мы должны помогать пациенту, мы не можем ему помогать уходить на тот свет. Это никого не интересовало. Наёмники большого капитала в парламенте провинции Онтарио проголосовали, и теперь врачи в Онтарио обязаны это делать, а если будут против, то их увольняют.

Смирнов С. А.: А теперь это ещё и узаконили.

Мухина И. К.: Надо чётко понимать, что государство там приватизировано транснациональным капиталом и законы лоббируются большими деньгами в интересах роста прибыли, а не здоровья и счастья граждан. То же самое я вижу и здесь. Второе: была разрешена марихуана. Всем, причём с 12 лет.

Смирнов С. А.: И для подростков.

Мухина И. К.: Летом в парке гулять невозможно. Под каждым кустом лежит парочка и им уже всё равно. Либо они в машине лежат, открыв дверь. И в домах многоэтажных стало жить невозможно. Это официально разрешили делать всем и везде.

Третье – у нас была премьер-министром в нашей провинции активная лесбиянка. У неё было трое детей, муж. В какой-то момент она совершила, как они говорят, coming-out, привела домой партнершу. В общем, все трое детей пошли под откос.

И её выбрали премьер-министром. Они изменили систему преподавания физического образования и физкультуры. В государственных школах превратили этот предмет в растление несовершеннолетних прямо с 7 лет. То, что они опубликовали как учебник, было подвергнуто критике всех родителей, но никто ничего сделать не смог. Даже после того, как её советника по образованию посадили в тюрьму за педофилию с собственными детьми.

У меня есть видео, где я об этом рассказываю. Называется «Гендерная политика в Канаде». Просто меня какой-то центральный канал попросил проанализировать, и я факты тогда нашла, погрузилась и записала видео, так как всё упомянуть невозможно. Это третье. В Онтарио запущено разложение детей просто с самого раннего детства. А мы же понимаем – куда направляют наше внимание, туда идёт энергия, т. е. в трусы, а остальные части тела её недополучают. Я обсуждала это со специалистами в коневодстве, собаководстве, которые элитные породы изучали. Они все говорят, что чем дольше случка не случается, тем лучше развивается особь. То есть новый предмет направлен на то, чтобы дети попробовали секс как можно раньше и у них перестали развиваться другие интересы и в том числе интеллект. Не зря же девственность, чистота, непорочность, особенно у женщин, являются критерием и даже гарантом нравственности, а в православии самым страшным грехом является растление несовершеннолетних.

Смирнов С. А.: А отказ от саморегуляции своих желаний провоцирует на вот это поведение.

Мухина И. К.: Да. Конечно. Когда ребёнку показывают то, что ему неинтересно, а потом он идёт в интернет и находит порнографию по любому запросу. 85% контента интернета – это порнография. Это вот было третье.

Потом это ЛГБТ-община, которая просто совершенно невозможна и всё больше становится орудием политической инквизиции для негодных.

Смирнов С. А.: Очень при этом агрессивна.

Мухина И. К.: Мы приехали, там был гей-парад один день летом. Потом стали проводить два дня. Потом стала неделя этих секс-меньшинств. А сейчас это просто месячник в самом центре города, где невозможно ходить нормальным людям от брезгливости.

Смирнов С. А.: Кошмар.

Мухина И. К.: Причем на банках, на библиотеках, на церквях висят флаги. Даже католические школы теперь участвуют в нашем ежегодном, самом большом в мире гей-параде. Понимаете, там всё перевернуто с ног на голову.

Смирнов С. А.: А что, пардон, католическая церковь говорит? Она что? Священники сами такие?

Мухина И. К.: Например, у нас в декабре 2018 года был случай, я его описала в своём живом журнале (ник ikonstantinovna), так он меня потряс. Священник-гей повенчался со своим другом в англиканской церкви провинции Онтарио. Их венчала епископ-женщина. Вышестоящие церковные органы официально поздравили новую пару. Понимаете? Всё, там дух ушёл.

И пятое, которое, вообще, как чертик из табакерки выскочило. Это уже не в Канаде, не в Онтарио, а в Америке. Это движение «Me too» («Я тоже»). Это когда стареньких женщин откуда-то вынимают, они уже нафталином присыпаны. Я вижу это как чистый инструментарий политической инквизиции. И любой политик, который хочет заявить о том, что у него своя точка зрения, вдруг проваливается. Вдруг сразу находят какую-то бабушку, и она вспоминает, что он её там за коленку когда-то брал или против её желания ещё что-то делал непотребное. Всё. Политика снимают с гонки на раз.

Недавно сняли в Америке политика – нашли фотографию в школьном альбоме, где во время праздника всей этой нечисти – Хеллоуина – он был одет в костюм Ку-Клус-Клана, а его друг был негром. И они вдвоём сфотографировались. Всё, политика за это «непотребство» сняли с гонки кандидатов. Там политика – это просто клоунада. При этом финансисты, надо понимать, сейчас на излете безоговорочного влияния на общество, там стали входить в силу техно-жрецы от ИИ и больших данных. Это видно, например, по списку приглашённых на ежегодную встречу Бильдербергского клуба.

Я не являюсь сторонником никаких там заговоров или каких-то конспиративных теорий. Нет. Я просто работала в этом мире 25 лет. Как мы можем с Вами говорить про научный мир Академгородка, кто чей ученик, в какой лаборатории работал, какие гранты получал – так и там же всё так же устроено. Это просто процессы управления финансовыми потоками. Вот сейчас технологии, технари, айтишники, всем известный Э. Шмидт, они же являются консультантами и Пентагона. Как они используют все эти новые технологии, научные знания и финансы, и каким образом это всё распределяется между глобальными игроками – это всё видно, если внимательно смотреть. Развал Советского Союза – это была первая совершенно цветная революция, которая была проведена той же самой софт (мягкой) силой, когда мы даже ничего не поняли, как мы проснулись в чуждом нам государстве.

Смирнов С. А.: Да. Сначала покупали гуманитарной помощью. Ну, и понятно.

Мухина И. К.: И всё развалили. Государство, которое было конкурентом самого сильного капиталистического государства, теперь, понимаешь ли, объявляют чуть ли не психушкой пополам с тюрьмой. Всё это навязывают молодежи, на каждом углу крича о ГУЛАГе и всё прочее. Это было сделано именно для того, чтобы рынки прирастали, которые нужны капитализму, как мы помним ещё от К. Маркса. Но сейчас им прирастать больше некуда. Всего осталось, помоему, две или три страны, у которых центральные банки не подчиняются вот этой Федеральной резервной системе. И мы, наверное, догадываемся, кто они.

Смирнов С. А.: Ну, это Китай, Россия...

Мухина И. К.: Китай подчиняется. Северная Корея и Иран. Может, ещё какое-то африканское государство. Просто в Китае есть ещё, кроме ЦБ, очень много государственных банков.

Смирнов С. А.: Там ещё свои, конечно.

Мухина И. К.: Да. А вот в России с моей точки зрения финансовая ситуация полностью, абсолютно на 100% контролируется из Вашингтона, из Федеральной резервной системы, так как ЦБ, наш мегарегулятор, имеет целью управление инфляцией, а не управление финансами для развития экономики. То есть, устаревшими монетарными способами он разрушает покупательский спрос и тормозит развитие малого и среднего частного бизнеса, об этом хорошо и подробно говорит Михаил Хазин. Я совершенно согласна с его экономической интерпретацией ситуации. В России искусственно создана ситуация, когда кредитные ставки завышены, якобы, для борьбы с инфляцией и ограничено рублевое инвестирование в развитие государственных предприятий. И всё население тихо погружают в эту тотальную нищету, стараясь породить недовольство властью и хаос. Зачем – мы уже обсуждали выше.

Точно так же, как они делали это на Украине. И когда у человека уже не на что жить, и ему уже, так сказать, нечем кормить детей, понятно, что это всё резко стимулирует коррупцию. И это заходит за все пределы разумного. По этому поводу написана очень хорошая книжка, которая вышла лет 10 лет назад в переводе на русский язык. Её написал Джон Перкинсон, она называется «Исповедь экономического убийцы»³, где он пошагово описал, как они Аргентину грохнули, как они Бразилию разобрали. Причём, описал именно способы порабощения элиты, как это происходит, когда там вариантов нет: либо тебя купят, либо тебя скинут, либо грохнут, как мы видели примеры с Каддафи и с Саддамом, либо поставят на службу определенным силам. И везде повторяется тот же самый паттерн, шаблон.

Россия, после раз渲ала СССР, так же, как и все другие наши бывшие братские республики, полностью попали в это состояние колоний западного капитала. И вариантов нет. Те, которые думают и говорят, что мы другие, а у нас всё не так, с точки зрения финансовой ситуации занимаются самообманом. С точки зрения внешней политики я, конечно, вижу вещи, которые происходят по другому сценарию несогласия с западным миром.

Там ведь целая истерия началась по поводу 2014 года. Я с работы ушла, настолько мне было неприятно работать на эту шайку финансовых разбойников. Когда я высказывалась, а у нас были круглые столы по поводу инвестиций такого глобального масштаба, и это всё должно было быть просто прибыльно, а нравственные аспекты никого не трогают и виноватыми назначают по политическим мотивам. Не то, чтобы я стала не рукопожатной, меня как-то это вообще не волнует в жизни совершенно, а именно то, что мои жизненные цели перестали соответствовать их цели – максимизации прибыли на коротких горизонтах за чужой счёт.

Вообще, биржа является источником всех вот этих вирусов (финансовая биржа), я её называю современной порчей мира. Потому что она полностью заточена на очень простую вещь – короткий горизонт и максимальная прибыль. Спекулятивные обороты позволяют получать прибыль. И не то, чтобы на 100% или 200% – до 1000%. Поэтому все вложения в инфраструктуру, в какой-то производственный капитал – это не о чём, никто туда деньги не вкладывает, это не выгодно для глобальных спекулянтов. И вообще, бирже и в мировой экономике сейчас играют не политики и не производственный капитал,

³ Perkins, John. Confessions of an Economic Hit Man. Ebury Press, 2005.

а чистые спекулянты. Когда я начинаю даже в экономическом обществе объяснять, что это такое, эти компании по управлению так называемыми активами, как раз там, где я работала последние 8 лет, и я знала всех своих конкурентов в лицо. Например, BlackRock, Fidelity, State Street, The Vanguard Group и т. д. Огромнейшие деньги этих игроков, двигаясь по миру, ищут баснословную прибыль через игру на рынках в наносекундах и без всякого экономического эффекта для страны. Но именно поэтому эти финансовые механизмы скрыты от глаз, и, значит, от понимания, но с кучей информационной шелухи и бизнес-позерства.

Во всех «развитых» странах сейчас огромный долг, часто по размеру долг сопоставим с ВВП страны: в Америке, во Франции, в Японии – везде. И они не знают, чем им расплатиться, ведь капиталистическая система перестала приносить необходимую им прибыль. Им часто даже не хватает бюджета на оплату процентов. Например, сейчас в Америке проценты по выплате госдолга являются второй статьей расходов после военного бюджета, а скоро могут превысить его. Чтобы скрыть этот пылесос, который перераспределяет ресурсы с периферии в монополию, и придуманы мифы о свободном рынке, демократии и правах человека. По факту мы видим, что есть центр – метрополия, и есть страны периферии, которым никогда не позволяют стать центром. И цель финансово-спекулятивного неолиберального режима состоит в том, чтобы оттягивать на себя всевозможные ресурсы – финансовые, натуральные и человеческие. Естественно, это дань, которую Россия платит до сих пор, когда в 90-е наши партийные бонзы сдали социалистический лагерь коллективному Западу.

Поэтому вся нищета, которая здесь происходит, не имеет отношения к тому, как человек в России работает. Для полной деградации населения насаждается гедонизм, потребительство, коррупция, многие люди начинают разочаровываться во власти, в России, в жизни, это ведёт к нежеланию заводить семью, брать ответственность за будущее в стране. Они просто не видят просвета, и у них не хватает мотивации. А вот мотивация «брать от жизни всё», «жить для себя», «ни в чём себе не отказывать» – она навязывается с младых ногтей и играет на руку тем, кому нужна наша территория с ресурсами, но не нужна социальная нагрузка в виде населения. Это абсолютно стандартная англо-саксонская политика колонизации. Ничего нового. Надо хорошо изучать историю.

Так вот, я возвращаюсь к Вашему вопросу, как это происходит в одной и той же семье. Мне видится и думается, что если произойдет технологическое отстраивание России от глобального порочного целеполагания в виде увеличения прибыли и при этом появится мотивация сильного национального государства, то цифровые технологии смогут быть использованы на благо человека, а не только капиталу. Ведь разница между транснациональным капиталом и национальным капиталом состоит в том, что последний должен окормлять свою территорию. А наша территория большая и поэтому у национальных элит, исходя из просто инстинкта самосохранения, будет мысль о том, что этот народ должен начать прирастать. Потому что капиталу всё равно надо кого-то эксплуатировать. Никак по-другому это не работает. Это если мы говорим в терминах того, что есть. Правильно?

Поэтому идея сильного государства позволит хотя бы ощутить, что у нас есть национальные интересы. И дальше начинается строительство социума, который начинается с многодетной семьи, без сомнения. Сейчас традицион-

ная семья разрушена полностью. И всё же, современный момент мне видится очень позитивным. И это именно то, чем я занимаюсь – это то, что искусственный интеллект может быть и «с человеческим лицом», способным помогать развивать человеческий потенциал и подбирать индивидуальные рецепты для того, чтобы помочь с мотивацией, с развитием, приобретением недостающих знаний, с нахождением нужных контактов, учителей. Именно на это ИИ и должен быть направлен. И именно это является светлой альтернативой глобализации, производящей одинаковых *homo digital*.

Смирнов С. А.: Но для этого должна быть выстроена виртуальная педагогика. В которой гаджет становится не игрушкой порабощающей, а средством личностного развития.

Мухина И. К.: Конечно. И вот этот гуманистический проект сейчас есть моя цель – приезжая в Россию, находиться в этом пространстве смыслов и находить людей. Потому что технологии для этого есть и запрос для этого есть. Вопрос: каким образом сейчас можно будет запустить эту платформу индивидуального сетевого развития, которая будет иметь мета-гуманитарное социальное наполнение в помощь?

Я обычно привожу такой простой пример. Потому что, опять же, всё из личного опыта. Когда мы эмигрировали в Канаду, это было после раз渲ала Советского Союза, мы приехали с мужем и с двумя детьми. Муж – доктор наук, физик-теоретик, у нас с собой две дочки, два чемодана и две коробки с научными книгами. И вот мы приземлились, и я помню очень хорошо мои первые впечатления, они были такие острые, что мне, конечно, запомнились.

Одно из впечатлений, из которого я уже потом сделала правильные выводы, – это то, что я сразу ощутила, что самым-самым важным для меня является сохранение русского языка моим детям. Потому что я поняла, что выразить себя на английском языке я не смогу ни в коей мере. А с детьми потерять общение я тоже не могу. И у меня русский стал автоматически каким-то таким фетишем. Я нашла для девочек русскую школу и таким образом я пришла в церковь. Потому, что самая большая русская школа оказалась при Храме. И так я воцерковилась. Но суть не в этом. Суть в том, что вокруг меня масса друзей, которые приехали из того же Советского Союза, которые пошли другим путем – путем ассимиляции с местным социумом, чтобы, не дай Бог, не выделяться. Их выбор – быть похожими на всех.

Смирнов С. А.: Да. Они хотят быть такими, как они. Принимайте нас, мы такие же.

Мухина И. К.: И хотят, чтобы и их дети были похожими. Вот это желание каким-то образом себя принизить, только чтобы не выделяться, мне это вообще не свойственно. Поэтому я, посмотрев вокруг, решила: я не хочу быть как все, и детей своих хочу видеть другими. У меня ведь трое детей. Каждый ребёнок знает более трех языков. У меня 5 внучек. Они все говорят со мной только на русском языке, хотя все зятья иностранцы, один – английский, один – французский, один – македонский. Ну, я вообще не допускаю никогда даже мысли о том, что я должна почему-то на чужом языке своим детям или внукам что-то объяснять. И вот это был выбранный мной способ эмиграции, который называется интеграция.

Но есть многие (80%), которые не хотят прилагать усилия или они считают, что так будет лучше для них – и они выбрали путь превращения в то, что

представляет собой масса вокруг. Они не понимают, чего я выпендриваюсь и чего я такая умная. Их дети в основном пошли в парикмахеры, в полицейские, в политологию, часто с антируссскими настроениями, а наш сын поступил в политех, в Питер уехал. Мне все говорят: «Да ты просто ненормальная». Сын родился в Канаде. Я считаю нашим достижением, что дети абсолютно свободно владеют русским языком, и при этом знают французский, английский и еще испанский. Наш сын ходил в Торонто в украинский садик, поэтому об украинском у него вообще сплошные теплые воспоминания. Но при этом он никогда не стеснялся считать себя русским.

То же самое у нас с дочерьми. Приехав сюда маленьками, они читают по-русски, своих детей отдали в русские садики и потом в субботнюю школу. То есть, это путь интеграции, когда ты гордишься своим наследством и добавляешь к нему новые знания. Спасибо моим предкам, видимо, такая генетика. Но я восприняла это именно так: что я, сохраняя своё, напитываюсь другим. В этом и помогает цифровизация.

Цифровизация – это очень громкое слово. Технологии искусственного интеллекта имеют возможность выводить индивидуальные подходы, курсы, методики, практики, единомышленников и т. д. Всё, что мне не дали в моем математическом образовании, которое я очень люблю и горжусь, я, бросив работать в 2015 году, начала сама наверстывать и доучиваться. Поняв, что я теперь бабушка, у меня такая большая семья, мне надо иметь ресурс, чтобы заниматься внучками и правильно их развивать, я тогда же открыла свою частную школу в Торонто. Потому что поняла, что надо иметь свой социум, с нашим качеством преподавания и ценностей, и то, что происходит там, меня уже не устроит. Я перебрала там десятки школ для своих детей.

И главное – я начала искать людей, которые в социальных сетях говорят на моём языке, у которых я могу учиться. У меня было достаточно мотивации и различия, и я сейчас вижу, что контакты, которые я за это время завела (в том числе виртуальные), они сейчас, приезжая в Россию, материализовываются. Ну, это действительно личности-факела.

И с моей точки зрения мы сейчас должны строить внесистемный проект. Но мы его строим, осознавая, что технологии, которые у нас в руках и которыми мы должны уметь мастерски пользоваться, они в то же время перехвачены теми, у которых смыслы разрушительны – у глобалистов-финансистов. Это, значит, что у нас должен произойти какое-то внутреннее слияние наших целей, может, через катарсис, чтобы мы смогли подняться и предложить проект преобразования человека теми технологиями, которые сейчас используются для его утилизации с целью превращения в homo digital.

Смирнов С. А.: Смотрите, что получается. На примере вашей семьи. Вы уже были, условно говоря, сделаны, сформированы, со своей определённой мотивацией, самоопределением, позицией, и поэтому предложили свою фактически семейную альтернативу там, в Канаде. И технологии уже были понятны, они были взяты Вами использованы по-другому. В других семьях было другое – они предпочитали ассимиляцию. Вы предпочли другую жизненную стратегию. Но потому, что Вы уже исходно социально и гуманитарно по позиции предпочитали иную стратегию. Получается, всё равно на первом месте не технология, а человеческое самоопределение нравственное и так далее.

Мухина И. К.: Конечно.

Смирнов С. А.: Но мы-то с Вами зафиксировали, что эта вертикаль размыается. То, что держит человека, оно и размывается. Мы получаем замкнутый круг. Выход не в технологии, а в человеческом жизненном нравственном самопределении. А именно оно и размывается. Потому что человек предпочитает более соблазнительную горизонталь комфорта и благополучия.

Мухина И. К.: Конечно. Но оно размывается именно этими технологиями.

Смирнов С. А.: Но это же сам человек позволяет размываться. Потому что, опять, вопрос не в технологиях – он позиции не держит.

Мухина И. К.: Многие не видят альтернативы. Не потому, что они такие плохие, а потому что различие у них перестало работать – чайка отказалась, так бывает от долгого неупотребления или от злоупотребления дурным. Твой организм, как музыкальный инструмент требует настройки на гармонизацию с высшим и с оркестром.

Смирнов С. А.: О чём и речь.

Мухина И. К.: Да. Люди, конечно, идут туда, куда им легче. Это без сомнения. Наш мозг так устроен.

Смирнов С. А.: Мы так устроены, да.

Мухина И. К.: Человеку не хочется затрачивать этот ресурс, это нормальная технология энергосбережения

Смирнов С. А.: И мы опять возвращаемся к сильному государству? Нужно внешнее усилие?

Мухина И. К.: Сильное государство нам нужно всяко. Но сильное государство у нас было уже в Советском Союзе. И тогда оно делало всё для того, чтобы дать лучшее в мире качественное бесплатное образование. Правда. И это не спасло.

Смирнов С. А.: Да, не спасло.

Мухина И. К.: И я как раз об этом часто разговариваю с людьми, которые выражают откровенное недовольство жизнью в Советском Союзе. Я искренне недоумеваю и поэтому пытаюсь их понять.

Смирнов С. А.: Я тоже не понимаю.

Мухина И. К.: Я получила самое лучшее детство. Всё.

Смирнов С. А.: Да, мы получили настоящее детство и настоящее образование.

Мухина И. К.: Да. Но у меня детство было определено и очень хорошей, сильной, интересной семьей и обществом. Не всем так в детстве повезло. Но суть не в этом. Очень часто я слышу от людей, которые недовольны советским образованием, что им не давали возможности реализовать какой-то свой, индивидуальный талант или потребность в чём-то, что им тогда очень нравилось. И мы помним, что тогда действительно стандарты были одинаковые, они были качественные и очень высокие для всех без исключения. Но, тем не менее, когда в классе было 30 человек и кто-то из них себя чувствовал, не знаю, предположим, балериной (сразу), а её интегралы учили брать, я предполагаю, что в этом случае были какие-то индивидуальные нестыковки. И вот это именно то, к какому выводу я пришла: что сильное государство нужно, сильные авторские программы и системы нужны, но они должны быть всё-таки вариабельными и развиваться не только сверху, но и в семье.

Смирнов С. А.: Это – да. Но мы-то имеем проблему, – в школе учить перестают, и семья размывается. На чём ставить опору?

Мухина И. К.: Нельзя переставать искать баланс. Суть в том, что сейчас семья – это тоже очень разрушенная ячейка. Поэтому моя позиция заключается в том, что начинать надо всё-таки с семьи. Потому что любовь, уверенность в себе, мотивацию ребёнок должен черпать в семье, чтобы закладывать правильную жизненную, нравственную основу. Как я узнала из когнитивных наук (может быть, это научно звучит смешно, но это то, как я поняла), что интеллект, который мы развиваем посредством приобретения знаний, – это лишь инструмент. А есть вторая часть – это целеполагание, которое помогает нам различать наш нравственный голос.

Смирнов С. А.: Конечно.

Мухина И. К.: Так вот, если ты разовьёшь нравственность и не разовьешь интеллект, может быть, опасность будет меньше, чем если ты разовьёшь интеллект, но не разовьёшь нравственность. И папа мне всегда говорил: ребёнка воспитывают, когда он лежит поперек лавки. Значит это из семьи и это надо укреплять всемерно.

Смирнов С. А.: Да. Потом будет поздно.

Мухина И. К.: Эти нравственные основы, они, в принципе, воспитываясь в семье, где ребёнок должен себя чувствовать, во-первых, нужным, во-вторых, в безопасности, в-третьих, в потребности, чтобы он мог себя выразить и проговорить спокойно то, что ему необходимо, чтобы без травм и без зажимов.

Смирнов С. А.: То есть, в любви.

Мухина И. К.: Да. Но гаджеты сейчас именно разрушают вот это.

Смирнов С. А.: А его, ребёнка, на самом деле не любят, а пичкают. Это же не любовь – это потакание капризам. Гаджетом ставят некую заглушку, чтобы не мешал.

Мухина И. К.: А главное – мамы сейчас тоже сидят в инетах.

Смирнов С. А.: Так мамы сами выросли в этой среде. Молодые родители, они сами такие: капризные беспомощные дети, им только 25 лет.

Мухина И. К.: Правильно. Потому что вот этот период полураспада или практически распада государственности, он к этому и привёл. Но что меня ещё радует в России – что ещё осталось поколение людей, которые помнят, как люди жили до «цифры». И вот сейчас нам надо начинать санитаризацию наших отношений, как после эпидемии чумы, начинать налаживать связи не через матрицу и не через эти големы, а именно, как говорят: хочешь улучшить мир, иди в свою семью и люби. Вот эти главные вещи сейчас, я вижу, пущены на самотёк. И очень часто старшее поколение пытается абсолютно абсурдными, смешными вещами заниматься, доказывая себе и детям, что они тоже не лаптем щи хлебают и могут технологиями пользоваться. Из уникальных держателей жизненного опыта и сермяжных смыслов они сдаются посконной сингулярности. И государство, кстати, сейчас это очень сильно стимулирует. Потому что господин Г. Греф свои цифровые технологии передаёт государству. Я была на круглом столе на «Технопроме», чтобы послушать, что по этому поводу думают представители власти.

Смирнов С. А.: В Технопарке это было.

Мухина И. К.: Да, специально пошла на этот стол, чтобы послушать разговор банкиров с общественными организациями. Там был министр цифровизации и телекоммуникаций Новосибирской области, представитель этого вашего, Федерального центра чего-то там, где все документы оформляют. Был

и представитель Сбербанка, фамилия такая смешная – Нематерный, кажется. Естественно, я ему вопросы задавала, прямо нeliцеприятные. Но мне интересна была реакция всех в зале. Так вот, он вообще начал с того, что все рассказали о том, какие они общественные и социальные организации, а он сказал: «А «Сбербанк» – это тоже общественная организация».

Смирнов С. А.: Здрасте.

Мухина И. К.: Так вот, это хамелеонство.

Смирнов С. А.: Да.

Мухина И. К.: И технологии, которые они на деньгах, на прибыли и на штрафах, которые они собирают с пенсионеров, внедряют, катая технокальку с западных банков. Естественно, так как я всем этим занималась 25 лет, я преподаю, кстати, в «Сбербанке», езжу в Москву раз в год, читаю лекции по финтеху на английском языке. Специально, чтобы лучше понимать, кто детки, которые туда идут, чтобы можно было хотя бы объективное впечатление иметь о молодых в России, а не по прессе.

Я ему и задаю вопрос: «Почему Вы собираете биометрию на детей? Вы же не имеете права. В государственных законах Российской Федерации прописано, что эту информацию (это дактилоскопия) могут собирать только госорганы защиты». А они начинают рассказывать (государственники), что нормативы финансовых институтов разрешают это делать. В общем, в этом месте я поняла, что симбиоз произошёл. И произошёл он, знаете, на очень легко понимаемой основе. Представитель «Сбербанка» всё время на свое презентации произносил как заклинание: «Вы можете сократить свой бюджет в половину. Да, вам не надо будет нанимать этих людей, которые сидят в окошечках и разговаривают с народом».

Смирнов С. А.: Да. Убрать девочек, операторов.

Мухина И. К.: Да. «Мы всех научим, этих самых колхозников, трактористов и всех пенсионеров, чтобы они умели заходить в свой личный кабинет». Во-первых, я понимаю, что это бред, на который уйдёт очень много денег. Во-вторых, я понимаю, что это должен быть выбор человека, пользоваться технологией или пойти с девочкой поговорить. В-третьих, это повысит безработицу в области. В-четвёртых, я понимаю, что личные данные, которые собирают на платформе «Сбербанка», могут случайно попасть в руки к мошенникам.

И есть риск, что когда под заказ, хорошо оплачиваемый, например, нужен белый мальчик трех лет с такими-то параметрами, то обязательно в базе данных случится такой мальчик. И обязательно кому-то захочется получить эти денежки. И вот тут ничего личного. Это просто товарно-денежные отношения, в которых мы живём. Поэтому с моей точки зрения передавать базы данных граждан на те технологические платформы, которые внедряют финансисты-глобалисты, – ну, это совсем какие-то решения, принятые явно вражескими силами.

Смирнов С. А.: Значит ли это, что наше государство на самом деле в поиске, оно не определилось? Вот президентская администрация запустила НТИ, например, АСИ, другие кадровые проекты, – чтобы сделать Россию технологическим лидером. Это к вопросу о том, что мы должны как бы занять свою суверенную технологическую позицию. А с другой стороны – Греф, его «Сбербанк» и вот эта вся цифровизация. Это ведь вещи такие: как правая и левая рука, которая другую не слышит. Или как? Так ведь?

Мухина И. К.: Да. Ну, так со стороны выглядит.

Смирнов С. А.: Получается, на самом деле там не определились. Либерально-экономический блок, Министерство науки и образования – это одно. А с другой стороны – АСИ, НТИ, которые делают фактически альтернативную версию университета, альтернативную версию разных подготовок, кружковое движение. Но эти поиски пока на самом деле в формате допобразования. Они видят, что в школу соваться бесполезно (это священная корова, машина, которую не свернёшь). Они говорят: ну, вот давайте на кружках хотя бы потренируемся. К вопросу о работе с личностью ребенка и так далее. Поскольку личность ребенка в школе не развиваются. То есть, значит ли это, что там сами не определились?

Мухина И. К.: Не знаю. У меня нет инсайдеров и внутренней разведки. Но, наблюдая со стороны за тем, что происходит, мне кажется, что я вижу, что всё наше правительство, во всех министерствах, в той же медицине, где тоже сбор всех личных данных делается в одно место, – это всё проделки агентов. Потому что я не знаю, они идейные агенты или они коррупционированные агенты, или они просто видят, что там все шоколадно.

Смирнов С. А.: Или они, несчастные, заблуждаются? Они такие вот на голубом глазу, наивные такие?

Мухина И. К.: Может быть, они не видят альтернативы. Но то, что делает Центральный банк, и то, что делает Высшая школа экономики, – это всё для меня, абсолютно очевидно, те, которые разрушают государственность в угоду транснациональным интересам. Те альтернативы, которые и не выглядят для меня как альтернативы, и при этом считается, что их курирует Президент и я часто слушаю Дмитрия Пескова, который возглавляет АСИ.

Смирнов С. А.: Это руководитель направления в АСИ «Молодые профессионалы». Дмитрий Песков, теперь он спецпредставитель Президента РФ по цифровому и технологическому развитию.

Мухина И. К.: Да. Я тоже это слышала. Но те технологические прорывы, которые они производят, – это напоминает мне ситуацию, которая вчера была в Институте математики на семинаре по искусственноциальному интеллекту. К моему большому удивлению, я всё поняла, что они говорят, видимо потому что я 30 лет назад защитила диссертацию по искусственному интеллекту и с тех пор только в этой области и подвизалась. Но при этом я стала задавать себе вопрос, а зачем они конструируют этого техномонстра? А они абсолютно не заморачиваются, в чьих руках будет этот техномонстр.

Смирнов С. А.: Точно. Да. Для них это чисто узконаучная и технологическая задачка.

Мухина И. К.: Им даже вопрос этот задавать бессмысленно, потому что они отвечают не в тему: Я им про Ерёму, а они мне про Фому.

Смирнов С. А.: Точно. Они не понимают. У меня была такая же ситуация в прошлом году на зимней школе в Технопарке для айтишников. Они вопросы гуманитарной экспертизы не держат, не понимают. Разговор слепого с глухим.

Мухина И. К.: Вообще не понимают. Но это значит, что у них нет нравственного основания. И я такой была, я помню это. То есть, то что Вы сказали, что я была сделана из другого теста – нет. Я выросла в Академгородке, только математику учила, защитилась по теориям групп, у Ю.Л. Ершова на кафедре делала диплом, потом диссертацию, уехала за рубеж, когда в стране начался хаос и вообще ничего не знала.

Смирнов С. А.: Ну, да. Плюс семья и так далее. Тут у Вас уже свой гибрид.

Мухина И. К.: Но где-то пробило. Да. Но суть-то в чём? Что это АСИ тоже такого техномонстра сейчас конструирует.

Смирнов С. А.: Так а я ж про что? Вроде бы как он противопоставляет, спорит с Министерством науки и образования. Но сам-то делает монстриков технологических.

Мухина И. К.: Правильно.

Смирнов С. А.: Я, кстати, Дмитрию Пескову написал письмо даже. Я там предложил, что для НТИ нужна антропологическая платформа, поскольку человека в НТИ нет.

Мухина И. К.: Да.

Смирнов С. А.: Он ответил: ну, делайте. Хотите – ну, делайте. Как бы отмахнулся. Но я вижу, что на самом деле там этот вопрос даже не с кем обсуждать.

Мухина И. К.: Правильно. Вот сейчас я ищу людей, с которыми мы этот вопрос обсуждаем. Которые понимают, что смыслы человеку надо закладывать. И почему я думаю, что, вообще, не всё так плохо.

Смирнов С. А.: Да я тоже. Поэтому я у Вас. Катастрофы на самом деле ещё пока нет. Слава Богу.

Мухина И. К.: Нет. Но должна быть обозначена альтернатива. И главное – то, что в России для этого есть большой потенциал. Поэтому я сюда езжу. Но что я хочу сказать? Сидя за столом с моим французским зятем и с маленькими внучками, я вижу, что он делает такие простые вещи, которые мы просто иногда забываем делать. А он из очень простой, но многодетной французской семьи и он, естественно, абсолютный продукт неолиберальной буржуазной идеологии, это всё понятно. Но он делит кусочек хлеба на всех и раздаёт за столом. И говорит: Ира, самое главное – это научить ребенка делиться, делиться в детстве.

Смирнов С. А.: Хорошее действие.

Мухина И. К.: Да. Понимаете, я вижу это в нём, а он там немножко социологии поучился, немножко МВА, но он для меня представитель совершенно другого типа мужчин. Потому что я выросла с мужчинами, у которых IQ зашкаливает, и они все закрыты.

Смирнов С. А.: Да.

Мухина И. К.: И с ними очень сложно.

Смирнов С. А.: Очень сложно. Они все застегнуты.

Мухина И. К.: Я, конечно, с ними работала. Но они вообще не слышат жизнь. И даже пробиться нельзя. Даже выпив много водки. Я всякое пробовала с ними делать.

Смирнов С. А.: Даже с водкой никак.

Мухина И. К.: И ещё сексизм в них очень сильно присутствует. Я не против этого, мне уже, всяко, в жизни хорошо. Но я имею в виду, что таких типажей я тоже изучила. С финансистами долго поработала. И у меня зять с его IQ, я не скажу, что прямо зашкаливает.

Смирнов С. А.: Но он берёт другим.

Мухина И. К.: Но у него очень высокий EQ.

Смирнов С. А.: Эмпатия, вот это всё.

Мухина И. К.: Да. У него две девочки и дочка моя в жёнах. Сама постановка его вопроса за семейным обедом показывает мне, что могут быть практики, которые мы утратили.

Смирнов С. А.: Так потому, что он сам вырос в патриархальной французской семье. Правильно?

Мухина И. К.: Правильно. Но у него тоже: папа бросил, ушёл, они же все друг другу изменяют.

Смирнов С. А.: Ну, это понятно. Так, опять ро то же, потому что заложена основа. И никакая технология не испортит уже.

Мухина И. К.: Да. Но технологии сейчас разрушают именно эти смыслы. Но если мы посмотрим на Восток, то что мы увидим? У меня есть один слайд, который я просто очень люблю. Я его нарисовала, исходя из своего жизненного опыта – Россия, Сибирь особенно, расположена между Востоком и Западом. И я взяла примеры характеристик, потому что я руководила и китайцами, и японцами, и вьетнамцами, и сербами, и венграми и т. д. Я прочувствовала разницу культурных кодов не на словах. И когда я отдаю задачи в ИТ, один уходит, делает так, другой уходит, делает так. Когда я с ними беседую, они мне объясняют. Потому что мне было иногда интересно, почему человек пять раз делает и пять раз ничего мне толком принести не может. Был один китаец с двумя PhD. Я ему даю задачу, он уходит, через три дня приходит и говорит: «Решения нет». Даю снова задачу, уходит, приходит через три дня: «Решения нет». Я потом не выдерживаю. Я помню его имя: Чи Чжун. Я ему говорю: «Скажи мне, вот у меня ещё одна задача. Я тебе дам. Ты принесёшь решение?» Он мне говорит: «Нет». Я говорю: «А почему?» Он говорит: «Потому что решения нет». Я говорю: «А зачем ты берёшь задачу и идёшь, три дня голову морочишь?». Знаете, что он мне ответил? «Ирина, ты же начальник – тебе лучше знать, что мне надо делать. Ну, я иду и пробую».

Смирнов С. А.: Учитель сказал. Да.

Мухина И. К.: А наш человек? Ты ему что-нибудь дашь (а у меня в моей команде были всякие разные и много наших) – он посмотрит и говорит: «Ты чего? Тут нет решения. Я знаю. Я пробовал. Не надо так. Надо делать по-другому». Никогда китаец этого не сделает. Вот когда я это поняла, тогда я поняла, что я в своей деятельности менеджера должна учитывать специфику культуры человека, если я хочу достичь результата. До этого я была аналитиком, я строила очень интересные математические модели. Потом меня подвинули на управление. И потом я ушла на повышение, в общем, у меня была возможность и необходимость научиться управлять этим диверсифицированным международным коллективом: и дистанционно, и всяко-разно. И вот тогда я поняла силу культурных кодов. Тогда же я прочитала книжку об этом (и то, мне её дочь принесла, ей было 16 лет), которую доктор Рапай написал. Читали? «Культурный код», «The Culture Code»⁴.

Смирнов С. А.: Доктор Рапай?

Мухина И. К.: Доктор Рапай, француз. Она мне принесла, я помню, ей 16 лет, кладёт мне на стол и говорит: «Мама, ты должна прочитать эту книжку». Я говорю: «Мне некогда. У меня трое детей, компания». Она на меня смотрит

⁴ См.: Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему. М., Альпина Паблишер, 2015.

и говорит: «Мама, ты должна прочитать эту книжку». И я понимаю, что ребёнок настаивает. И я её прочитала. И действительно он, этот доктор Рапай, приехав из Франции в 33 года, в Америке стал супергуру, мультимиллионер, все 500 компаний Fortune его приглашают. Он занимается, знаете, чем? Социологическими исследованиями, но глубокими. У него социологическое исследование проходит 3-4-5 часов. Он уходит на глубинные архетипы и вытаскивает оттуда ключи. Но как он использует эти ключи? Для рекламных кампаний.

Смирнов С. А.: Да. И через это достаёт клиента.

Мухина И. К.: Да. И у него это называется off Code или on Code. И что меня, помню, больше всего поразило? Как он понятие «сыр» исследовал на рынке Америки и на рынке Франции. И оказалось, что это диаметрально противоположные понятия. В одном случае сыр – живой, дышащий, пахнущий (во Франции). Во втором это пастеризованный, в холодильнике, в пластике.

Смирнов С. А.: Искусственный.

Мухина И. К.: Видя эти вещи в коллективе, и я с этим столкнулась. После того как я книгу прочитала, тогда до меня дошло, что культура глубже, чем интеллект.

Смирнов С. А.: Да.

Мухина И. К.: И тогда я начала наверстывать свои пробелы в образовании, я начала слушать лекции, читать, начала антропологию изучать. Вы знаете, это был уже действительно мой внутренний процесс осмыслиения того, что я как будто это добирала, чтобы понять, почему я не понимаю смысла того чем я занимаюсь, и я не могла понять, что мне надо делать. Я совершенно потерялась. Я чувствовала, что не резонирую со средой и баста. Вот тогда я ушла с работы. Слава Богу, меня сократили. Муж бы мне не дал просто взять и уйти. Но сократили, решил Господь. Помню мне дочка говорит: «Мама, как тебе не стыдно? Ну, что тебе надо? У тебя зарплата с шестью нулями. У тебя отдельный кабинет. У тебя нет команды, как ты мечтала. Ты уходишь на йогу, когда ты хочешь. Начальник (у меня американец был) приезжал раз в месяц. Ешь свежие зеленые салаты на ланч. Ну, чего ты жалуешься, что ты не хочешьходить на работу?» И когда она мне, я помню, всё это перечислила, это меня заставило задуматься. Значит, что-то другое было моим мотиватором 25 лет работать, что-то делать и куда-то развиваться.

Смирнов С. А.: Тоска по культуре? Как у О. Мандельштама.

Мухина И. К.: Нет, я поняла, что люди, с которыми я оказалась в окружении, были настолько не мои, что даже мимикрировать к ним я уже не могла. Это уже было какое-то такое отторжение меня средой (что меня не очень, конечно, волнует), но и я уже это окружение отторгала. Это уже даже сказывалось на деловых отношениях. Хотя мне нравилось работать с китайцами. У меня студенты были очень толковые. У всех ручки быстрые, все работали. Я возглавляла R&D одной из крупнейших транснациональных компаний по управлению финансовыми активами. И так как я уже программировать тогда ленилась, я нанимала студентов. И вот с детскими у меня шёл контакт, мне было интересно, я наработала массу интересного материала. Если бы я хотела устроить консалтинг, я бы, наверное, могла бы на этой интеллектуальной собственности что-то ещё зарабатывать. Но мне это уже не интересно – делать деньги из воздуха, надувать эти пузыри. Я не вижу в этом смысл жизни.

Я там научилась видеть мир по-другому – через риски и через хеджирование рисков, через стратегию предотвращения потерь и провалов. Поэтому я никогда сейчас не говорю ни о каких страшилках. Но я пытаюсь найти возможные методы хеджирования. И я любую жизненную ситуацию уже так вижу. То есть, меня инвестиционная индустрия научила смотреть на жизнь по-другому, но не в материальном смысле, а скорее в философском. Ты можешь что-то приобрести, и тебе этого очень хочется, но ты должен понять, какой риск ты несёшь: финансовый или репутационный, или моральный, или риск утраты здоровья. И когда вот так раскладываешь ситуацию, мне становится легче понимать, что надо сделать, чтобы эти последствия минимизировать.

Понятно, что полностью никакие риски ты никогда не снимешь, потому что это только вот там – один Господь Бог знает. Поэтому, глядя на нашу большую и совершенно уникальную страну, уникальную во многих смыслах: климатически, геологически, многоконфессионально, лингвистически – понятно, что здесь всё настолько уникально, что нам надо опираться на лучшие разработки прошлого и наши местные технологии, на свой опыт.

Когда я сюда прилетела из Торонто, меня специально пригласили на несколько мероприятий в Москве, и одно из них называлось «Основы безопасности Российской Федерации» в Правительстве РФ. Четыре часа там выступали люди в погонах, директора институтов. И я там в конце выступила, на моем канале в youtube есть эта запись. Одна женщина в своём докладе рассказывала о миграционной политике. И приводила примеры Европы, говоря о беженцах.

Мне кажется, что старушка Европа точно закончила уже своё существование. Единственное, что Россия должна понять, – какие риски несёт граница с этими нестабильными государствами, которые нам будут нести очень много всяких разных приключений. Опять-таки, эту карту можно разыграть очень по-разному. Я вижу много разных перспектив. Цифра, которую я запомнила из её доклада: во Франции в семье французов 1,8 детей, а в семье беженцев или арабов, которые живут там, – 8,1. И вот она про этих мусульман рассказывает, потом переходит на Россию, и говорит примерно те же слова: что у нас тоже не всё благополучно с мигрантами. Ну, и что? А в зале сидели товарищи из Казани. И один встаёт и говорит: «А что вы имеете против мусульман?»

Смирнов С. А.: Ну, у нас в Татарстане-то нормально с этим.

Мухина И. К.: Но она же это делала с точки зрения мусульман. Вот, понимаете, даже подача материала о России не может быть такая же, как о Европе. И она, конечно, начала извиняться и какие-то цитаты приводить. Но нам нельзя те шаблоны применять, которые используются там.

Смирнов С. А.: Конечно.

Мухина И. К.: Поэтому все те, которые мне говорят: «А вот в Норвегии?», я говорю: «Что в Норвегии? Это небольшая страна с однородным населением. Нашли там нефть, развернули там машиностроение для нефтяной промышленности». Я говорю: «И что? А нам это как поможет?» – «Ну, вот они же смогли перевести это на благо». – «Ну, смогли. Но рецепты-то у нас должны быть свои, нам не обойтись только нефтянкой, нам много что ещё нужно развивать».

Смирнов С. А.: Но у них тоже цвет меняется, пардон.

Мухина И. К.: Да, есть, есть. И они технологически развиты. Это говорит всё о том же, что наши распоряжаться ресурсами не могут. Все, кто Россию называют бензоколонкой, не понимают, что у нас двойная дань. Мы выкачива-

ем из наших недр нефть и плюс все деньги от продажи нефти тоже идут туда. Конечно, кто же от такого гешефта откажется? Да никто не откажется. И будем мы бензоколонкой, пока мы вписаны в глобальную систему разделения труда и периферийного капитализма.

Поэтому суть в чём? Нам нужно разрабатывать принципиально новые технологические решения с сохранением, прежде всего, человека, языка, личности, семьи. Второе – это наша уникальная природа и разнообразие условий проживания и жизнедеятельности, и на все это накладывать цифровые технологии. Необходимо смотреть с точки зрения разработки эко-техно-проектов, которые будут учитывать и рассчитывать риски и для нашей страны, и предлагать на экспорт – каким образом стоит оптимизировать эту географическую-человеческую триаду.

Есть такой один экономист Матусов, который цельно рассматривает именно эту троицу: там и природные ресурсы, и человеческие, и культурные. И мы можем тестировать и демонстрировать, что именно будет работать, в каких условиях, и каким образом это можно оптимизировать для создания симбиоза и гомеостаза, но без сингулярности.

Смирнов С. А.: Сингулярность – это всё тот же трансгуманизм. Мы все у них туда попадаем.

Мухина И. К.: Вот. Но мы же должны противопоставлять что-то в терминах того, что люди понимают.

Смирнов С. А.: Да. А там простые человеческие смыслы. Но тогда возвращаемся всё-таки к нашей территории. Вот Академгородок. Правильно я понял, что Вы рассматриваете его как один из островков, который может вырабатывать ту самую альтернативу?

Мухина И. К.: Да.

Смирнов С. А.: Вы в этом убеждены и у Вас есть аргументы или Вы просто верите?

Мухина И. К.: Нет. Я написала, вот сейчас с папой как раз обсуждала даже записку, ту, которую я пошлю всем, кому это интересно. Но с моей позиции, это не вера – это понимание того, что я вижу нечто отличающее Академгородок от многих других научных центров, в которых я была. И меня удивляет желание местной публики оглядываться на то, что происходит в других странах. Это по крайней мере странно, так как 60 лет назад именно здесь создали научный городок, и его создавали без всяких шаблонов.

Смирнов С. А.: Так. Но сами-то «городковцы» почему-то считают, что Академгородок умер. Тот, который создавали основатели.

Мухина И. К.: Нельзя сказать, что он умер. Я думаю, что он потерял дух.

Смирнов С. А.: Он прошёл жизненный цикл. И нужен новый цикл.

Мухина И. К.: Да. Ему надо сейчас перезагрузку совершить. Вот то, о чём я говорю. О том, что ему надо сделать перезагрузку и сделать это на другой идее, более актуальной и более востребованной в стране и в целом в мире. Если раньше городок основывался на идее наукограда, то я считаю, что эта идея изжила себя.

Смирнов С. А.: Это все-таки была шарашка в мягкой форме.

Мухина И. К.: Ну, вообще, вся страна была шарашка в мягкой форме.

Смирнов С. А.: Я про что и говорю. Просто реализовали еще один почтовый ящик. А другой модели же не было.

Мухина И. К.: Да. Ну, и главное – тогда было сильное государство.

Смирнов С. А.: Да. И оно держало, оно обеспечивало заказы, что понятно, твори, пробуй, вот тебе деньги, спецпаек – дерзай.

Мухина И. К.: Да. И финансирование, поддержку всех этих идей, стабильность, вот это всё, что давало нам возможность годами работать и делать прорывы.

Смирнов С. А.: Да, да, да.

Мухина И. К.: Надо понимать, что такой науки больше нет и, видимо, не будет. Если оглядываться на другие наукограды мира, то это вообще апельсины с виноградом сравнивать – вообще ни о чём. Поэтому я считаю, что я вижу идею, которую надо заложить в перезагрузку «Академгородок 2.0», – не наука, а молодежь будущего. Чтобы именно молодые люди, творческие силы, многодетные семьи, дерзкие научные идеи чувствовали себя самыми важными в Академгородке. Требуется оставлять вокруг этого городка максимум молодежи, предоставляя им те уникальные условия для жизни, которых они точно не найдут нигде в мире.

Тем самым мы привлечём всех остальных умных к нам. Потому что у нас есть экология, у нас есть научная база, у нас есть возможность создать научно-промышленный комплекс, вот этот треугольник Лаврентьева, который был заложен в основу изначально, просто его над немножко подработать, в связи с изменившейся геополитической ситуацией. И вместо того, чтобы науку, производство и образование разносить, надо это сделать одним комплексом, а четвертым поставить семью. И сделать это место чистым, экологически чистым, нравственно чистым (ну, хотя бы порнографию не развешивать на стенах нашего университета, что меня, например, огорчает), не пускать туда дурные смыслы. И нам достаточно будет заявить экологичную для человека среду и люди к нам потянутся – сейчас есть запрос на мораль, нравственность и правдивость. Единственное, что я чувствую, как проблему – это то, что сам социум самого городка очень сильно разорван. Потому что там есть вот эти старички, которые там живут прошлым, и молодежь.

Смирнов С. А.: Да. И они не слышат друг друга. Старики не понимают вот этого. Академики не понимают этого. Они хотят сохранить status quo и вспоминают вчерашний день.

Мухина И. К.: Они и не поймут. Они живут прошлым. Но, тем не менее, мы всегда должны брать лучшее из того, что имеется. Поэтому у них есть профессиональные знания, и это самое ценное. Нам не нужны их стратегические планы, потому что у них нет нужного опыта. Когда меня приглашают, и я с ними говорю, говорю, а потом подвожу итог: «Знаете, у меня такое ощущение, что мы с вами обсуждали красивую игру в шахматы: как ходит королева, как делать рокировку. А вы знаете, Россия давно сидит за доской, где играют в шашки, а, скорее всего, даже в поддавки. Поэтому все ваши обсуждения о том, что как красиво раньше вы рокировались, не имеет отношения к делу вообще. Потому что вы просто не понимаете, как работает мировая финансовая система, в которую вписали Россию в 90-е». И это со мной здесь происходит часто. И когда общаясь с людьми в погонах – то же самое ощущение. Ну, не понимают они.

Но суть не в этом. Суть в том, что городок как семья, он может найти новые формы для социального обогащения друг друга. Поэтому я считаю, что сейчас в городке нужны технологии не финансовые (у меня была масса про-

ектов, где было много денег и не было правильных людей, и я ничего не могла сделать) и не технократические, а социальные.

Смирнов С. А.: И гуманитарные...

Мухина И. К.: Да. Нужно найти возможность скрепить почти что парами или какими-то семьями детей, которые хотят узнать что-то, и взрослых, которые могут съесть мозг (я это понимаю), но, тем не менее, у них есть, чему поучиться и главное многое из истории науки стоит оцифровать для будущего.

У нас же в бизнесе занимались такими практиками с аналитиками и маркетологами, и это называлось *dance theory*. Приезжала какая-то тетка из Америки, она диссертацию защитила. Она подбирала правильные пары для сотрудничества, вот у нас аналитики все тоже такие с пропеллерами, мне даже шапочки всегда с пропеллерами дарили, а маркетологи прямо совсем звёзд с неба не хватают. И очень часто бывает не совмещение тех, которые что-то сделали, и объясняют тому, кто это должен научиться применять.

Я этот путь прошла. Поэтому я и начала кастомизировать, индивидуализировать свои аналитические презентации. Я начинаю всегда любую работу проекта, после того как я сделала такой примитивный анализ, с понимания того, кто будет принимать решения на основании результатов моего анализа. Я должна понять логику принятия решений этого человека, а главное – в каком виде ему лучше информацию предоставлять, чтобы он её понял.

Так вот, с нами проводили прямо эксперимент: кто из людей, аналитиков, маркетологов может парными танцами заниматься, а кто не может. Я уверена, что в Академгородке, где проживают тысячи людей, возможно создать вот эту искусственную, опять же, навязанную связь, но с целеполаганием правильным. Созданием органического места проживания, где молодёжь потихоньку будет себя чувствовать в центре и верить в то, что у неё здесь самые радостные перспективы, образование и возможность реализовать себя и построить баланс между семьей, работой и здоровьем. Но при этом, думаю, надо поменять и образовательную часть – перестать клепать узких специалистов.

Смирнов С. А.: Конечно. Перестать клепать «щелкунчиков», щёлкающих задачки.

Мухина И. К.: Начинать создавать целостного специалиста. Вот раньше они говорили: три года учимся и два года работаем в НИИ. Сейчас надо сказать: мы начинаем с самого начала формировать человека, который будет комплексно понимать мир. Иначе мир развалится.

Смирнов С. А.: Но тут закавыка такая: Академгородок – не субъект принятия решений. За него решают в Москве, причём как попало.

Мухина И. К.: Ну, если из этого исходить, то давайте купим белые тапочки. Мы будем покупать белые тапочки?

Смирнов С. А.: И простынку. Нет.

Мухина И. К.: Хорошо.

Смирнов С. А.: А это значит...

Мухина И. К.: Надо пробивать эксклюзивность.

Смирнов С. А.: Значит, надо этот субъект выращивать.

Мухина И. К.: Вот. Но надо, главное, чтобы отставали наши интересы. Потому что то, что мне рассказали на экономическом факультете (так, между делом), как они проходили аттестацию, и как придирились к ним по всем документам, потому что совместители из НИИ, якобы, не могут руководить курсовыми и дипломными работами.

Смирнов С. А.: Преподавать. Да.

Мухина И. К.: Так вот в этом и смысл. Когда модель Академгородка была эксклюзивной, мы достигли таких ошеломительных научных результатов, потом произошёл обвал содержания научных исследований. Сейчас это как раз суть цифровизации: форма превышает содержание в разы, стандарты делают всех одинаковыми, дух выхолащивается. Поэтому уникальность должна уйти, но мы тогда растворимся и всё станет создаваться по одному лекалу, по американскому. И если Новосибирский университет и Новосибирский Академгородок начнут стричь под ту же гребенку, тогда лучше расслабиться и получить удовольствие, и сказать, что король умер, и следующий король будет из Силиконовой долины.

Но чувствуется, что есть запрос, потребность, востребованность вот именно такой идеи – эксклюзивности. Я бы привела проект, за которым давно наблюдаю, и человек, за который его возглавляет (он, кстати, из вашей песочницы, он тоже антрополог, он возглавляет Институт антропогенеза), – Олег Чагин.

Смирнов С. А.: Так.

Мухина И. К.: Он очень интересный человек, потому что он доктор философии, доктор медицинских наук, кандидат экономических наук и ещё художник и музыкант, я его лекции слушаю с большим удовольствием. Он возглавляет, с той поры, как «Крым наш», уникальный проект: «Крым – остров детства». В котором все лагеря Крыма, вся эта оздоровительная база превращается в образовательное детское пространство для развития необходимых навыков и знаний для международного сообщества. И он даже документами делился по этому вопросу, как он это прорабатывал. Я предлагаю, чтобы по этому пути шёл Академгородок – чтобы поставили в центр молодого и образованного человека.

Смирнов С. А.: Конечно. Да.

Мухина И. К.: Молодого человека. Чтобы он чувствовал, что это не о науке, которая действует по принципу «кто заплатит, тот и результат закажет», но чтобы он именно чувствовал, что ему не надо уезжать никуда и искать заморского счастья, потому что ему тут дадут, пусть квартиру не его личную, которая на балансе института или городка, но у него она будет. У него будет инфраструктура с детскими садиками и спортивными секциями, физмат-школами и музыкальными коллективами. В Онтарио за детский садик платят более тысячи долларов в месяц, это безумные деньги, их не просто зарабатывать. И спят дети в корытах пластиковых на полу. Это вообще не имеет никакого отношения к тому детскому садику, в который ходили мы.

Смирнов С. А.: Ну, наши садики – дворцы по сравнению с ними.

Мухина И. К.: Вот. Так ведь, человек и не должен срываться уезжать, набить всех этих шишек и захотеть вернуться обратно. Это можно сделать по-другому, но при условии, что человек понимает своё намерение о том, что он хочет делать в жизни. Когда я в группе читаю лекции, то часто задеваю темы относительно того, что так ли уж на Западе всё так шоколадно, как это подают в СМИ России? И есть молодые люди у них, уже видно, что у них закрытое мышление. Они уже чётко сформированы, запрограммированы на то, что такое хорошо и что такое плохо, и всё плохое у них сконцентрировано в России. Вот таких можно в Силиконовую долину, пусть они там поработают. Но основная масса молодёжи здесь (вот, почему я вижу здесь надежду) – это просто глаза детей, которые ещё не испорчены. Я стараюсь провести очень быстрый

опрос, каждый раз, когда я рассказываю о какой-то цифровой технологии, я говорю: поднимите руки, кто делает это, поднимите руки, кто делает это. Сибирь, она как бы более девственная по сравнению с центром, она ещё ближе, как мы понимаем, к Востоку. Здесь холодно, здесь замерзает всякая гадость. Сюда можно делать экстремальный или экологический, или научный туризм фактически.

У нас единственное, что я вижу, люди не умеют делать, – это заниматься созданием этой рекламной оболочки, этой блестящей шершавой упаковки для своей научной продукции. Потому что всё здесь технологически прямо супер. Но как только любой сайт или что-то, то это не конкурентно. Вот этих компетенций вообще нет. А без этих компетенций, конечно, выйти на международный рынок сложно.

А все эти компетенции сейчас вращаются и создаются для малого бизнеса. И там эти воронки продаж, вот эта вся ерунда. Когда мне начинают всё это говорить, я говорю: ой, пожалуйста, не надо, я 20 лет на работе этим занималась, я на этом просто слона съела, носорога. Но они, все эти наработки, существуют. И даже есть выпускники нашего университета, которые там просто деньги зашибают. Я считаю, что не лишним будет провести хороший инвентарный анализ выпускников и пригласить их на конкретную полезную деятельность на благо Альма матер.

Вот меня пригласили на наш круглый стол, помните, в НГУ, мы там участвовали вместе, и там один мужчина моих лет, он буквально ворвался на этот круглый стол, когда уже почти всё закончилось, и начал говорить: «Ну, я же сюда приехал из Швейцарии. Я хотел вам рассказать, как там дела обстоят». А потом говорит: «Да где эта ассоциация выпускников НГУ? Я им писал, стучал». И вдруг какая-то женщина справа от меня говорит: «Ну, я председатель». «Да я же не мог до вас дозвониться. Я же хотел поучаствовать». То есть много людей моего плана, которые там наелись этого Запада, – ну, кто, вообще, с ними работает? Никто.

Смирнов С. А.: Да, да, да.

Мухина И. К.: Потом я с этой Ириной познакомилась.

Смирнов С. А.: Да, Ирина Травина ему ответила.

Мухина И. К.: Да. У неё ещё много разных мандатов. Она меня в этот Техно-парк пригласила, спасибо ей за это. Это называется: кто везёт, на том и взят. Но в какой-то момент эти вещи начинают уже работать против системы. И поэтому она мне говорит: «Ну, что там за тысячу рублей за членский взнос можно сделать?» Я говорю: «Сделайте его неоднородным. Те, которые на Западе, вам заплатят и тысячу долларов, если у них при этом будут какие-то бонусы и значки». Но у неё не хватает, видимо, охвата – все свои дела делать на отлично. Понимаете?

Смирнов С. А.: Хорошо. Ну, что же, поставим смысловую паузу. Мы, вроде, всё в целом обсудили. Что мы не сказали? Значит ли это, что, в принципе, мы готовы устраивать сетевую альтернативу и полигон в Академгородке, и это надо не просто обсуждать, а делать.

Мухина И. К.: Да. Я не вижу другого пути. Я честно работаю на сетцептристскую модель с центром в Академгородке и сюда приезжаю – понимая, что здесь, с моей точки зрения, интеллект белого человека сохранён в наиболее нетронутом финансами состоянии.

Смирнов С. А.: А цвет так важен?

Мухина И. К.: Цвет – да.

Смирнов С. А.: Это так не толерантно звучит.

Мухина И. К.: Ну, это меня не интересует.

Смирнов С. А.: Да ладно, нормально.

Мухина И. К.: Да. Цвет сам по себе как цвет не важен, конечно, он очень важен как часть гармонии мира – по принципу «Из разного – гармонию». Я верю, что закон гармонии – это и есть эволюционный план по продолжению жизни на земле, который нам дан свыше, и мы должны его сохранить, иначе жизнь может закончиться. И, кстати, есть человек, который написал об этом толстую книжку. Я узнала о ней по интернету, на канале Школы Здравого Смысла. С автором этой книги я первый раз сейчас в Москве встретилась. Эта книжка называется «Веждизм». Это универсальный, системный и научный взгляд на теорию всех религий, которые существуют в мире, и при этом она представляет собой описание гармонии мира через музыкальную, цветовую, географическую, религиозную составляющие. Человек писал эту книгу 25 лет, сидя в деревне в Красноярском крае.

Смирнов С. А.: Как его фамилия?

Мухина И. К.: Кашанский Александр. Я с ним сейчас познакомилась. Я хочу сказать, что, когда я прочитала его книгу, я поняла, что нам надо начинать строить омега-глобализацию, как альтернативу альфа-глобализации, при которой всех затачивают под американские выхолощенные шаблоны homo digital. А омега – это когда сохраняют разнообразие и гармонию всех, как симфонию смыслов.

Так вот, в заключение, почему я люблю Академгородок? Потому что я считаю, что научно-технический прогресс вообще белыми людьми начался и с ними и закончится, если что. И в Академгородке я вижу чистую экологию, богатую почву смыслов и грибницу для быстрого выведения интеллектуальной элиты страны и мира для создания человекосберегающей среды, где цифровые и другие научные технологии будут использоваться для человека и во имя светлого будущего, а не для утилизации и окончательного превращения человека в биоробота для обеспечения прибыли богатеньким.

Смирнов С. А.: Понятно. Это – да.

Мухина И. К.: Поэтому интеллект в России должен быть сохранён и развит на новом уровне, соответствующем сложным цифровым технологиям, которые Господь нам попустил создать, но используются они во вред гармонии и эволюции жизни. Академгородок 2.0 должен стать уникальным полигоном для поиска новых созидательных социальных смыслов, соответствующих современной научно-технической базе. Если идёт такой серьезный геноцид белых, значит в этом есть риск, который хотят размыть и нас всех привести к общему знаменателю – серо-буро-малинового цвета. Поверьте мне, там, где я живу, это видно везде невооружённым взглядом. И это как раз цель того, что глобалисты в формате альфа-глобализации хотят достичь.

Поэтому я исхожу из того, что, прожив долго там и сравнив дух служения науке с духом служения мамоне, я выбираю служение другим. И я не согласна с унификацией человечества и превращением всех в оцифрованных киберлюдей, и мне кажется, что сейчас в Академгородке есть уникальная возможность сохранить дух тех, которые был здесь отцами-основателями и закладывал фун-

дамент уникальной советской науки, совершившей прорыв 60 лет назад, и теперь мы имеем возможность перевести требуемый прорыв на другой уровень – на глобальный. Как сказал академик и одногруппник моего отца Ю. Л. Ершов на торжественном заседании, посвящённом 60-летию Академгородка: «НГУ – это дерзновенно, это глобально!»

Если мы здесь родим, оформим и апробируем идею использования «мирной цифры» для развития человеческой личности с нравственной основой, для сохранения самоидентификации и культуры своего края, то мы тем самым сможем внести вклад в сокровищницу жизни, самого драгоценного что есть на Земле и тиражировать наши достижения для всех желающих развиваться мирным путём и поддерживать эволюцию жизни путём гармонии и золотого сечения.

Смирнов С. А.: Да. И это глобально.

Мухина И. К.: Да, это глобальный проект.

Смирнов С. А.: Это глобальный проект, безусловно.

Мухина И. К.: Но начинать его логично именно в Академгородке.

Смирнов С. А.: Спасибо большое. Делаем паузу. До встречи.